

Ирина Градова

Торбёкэе
ЛЕКАРСТВО

КАБИНЕТНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

Кабинетный детектив

Ирина Градова

Горькое лекарство

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Градова И.

Горькое лекарство / И. Градова — «Эксмо»,
2021 — (Кабинетный детектив)

ISBN 978-5-04-155078-3

Врач-хирург Владимир Князев по прозвищу Мономах отправляется на встречу со своей бывшей медсестрой, находит ее мертвой и становится подозреваемым в совершении жестокого убийства. Вскоре аналогичным образом – скальпелем по горлу – убивают еще двух медсестер, так или иначе связанных с Мономахом, и теперь уважаемому доктору уже не отвертеться: клеймо маньяка-убийцы ему обеспечено. Если... за дело не возьмется тайно влюбленная в Мономаха умница-следователь Алла Суркова, способная собрать пазл из вроде бы разрозненных криминальных историй...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-155078-3

© Градова И., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

47

Ирина Градова

Горькое лекарство

© Градова И., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Прикрыв дверь и повернув ключ в замке, Мономах рухнул в свое кресло за столом, заваленным бумагами. О том, чтобы приняться за них сейчас, не могло быть и речи: он с утра на ногах, три операции от двух до трех с половиной часов с перерывами по двадцать минут – даже перекусить не успел бы, если б не добросердечная медсестра Алина. Та сбегала в столовую и купила ему три пирожка с капустой и чай с лимоном, которые он съел и выпил буквально на ходу, перебегая от одной операционной к другой. К слову, он мог бы работать поменьше, ведь позиция заведующего отделением ТОН, то есть травматолого-ортопедическо-нейрохирургического, предполагает некоторые привилегии. Например, его коллега и вечный недруг, заведующий травматологией Тактаров, использовал эти привилегии на полную катушку, записывая себя вторым, а то и первым хирургом в операциях, в которых он вовсе не принимал участия! Для Мономаха это было неприемлемо, но и обычные бонусы в виде, скажем, уменьшения операционной нагрузки, его не устраивали: Мономах справедливо полагал, что хирург, перестав оперировать, умирает как профессионал, а потому «самозабвенно резал налево и направо», как со смехом выражалась его начальница и, по совместительству, любовница, и. о. главного врача Анна Нелидова.

И все же возраст, похоже, берет свое, как ни печально это признавать! Скоро ему стукнет сорок семь – господи, УЖЕ сорок семь, а ведь, кажется, совсем недавно он окончил медицинский институт и ринулся в профессию очертя голову, мечтая заработать себе репутацию, сделать имя в медицинском сообществе и, возможно, совершить какой-нибудь значимый прорыв в своей области. Ну, положим, первые два пункта он выполнил, а третий... Что ж, он ведь не стар, может, все впереди? Однако еще пять лет назад Мономах даже не ощутил бы особого напряжения, выстояв девять часов у операционного стола, а сегодня у него ломит все тело, гудят ноги, а пальцы едва гнутся! Может, пора все-таки воспользоваться положением и перестать корчить из себя многостаночника?

Ну вот перед ним и встал вопрос возраста – дожили, как говорится!

С некоторых пор Мономах стал замечать, что большинство работников отделения моложе его. Когда коллеги поздравляют его с днем рождения и другими праздниками, то желают много всего – в зависимости от того, у кого как развита фантазия. В основном, конечно же, формулировки стандартные: счастья, здоровья и финансового благополучия. Ужасно не это, а то, что скоро, по всей видимости, останется единственное пожелание – здоровья. Для себя Мономах решил: когда это случится – значит, здравствуй, старость!

Дело осложнялось тем, что, несмотря на неурочное время, – конец апреля! – Комитет по здравоохранению скинул квоты на бесплатные операции по протезированию суставов и межпозвоночных дисков, а это означало, что работы не просто хватит на всех хирургов ТОН и травматологии Тактарова – пришлось кинуть клич и пригласить народ из НИИ травматологии и ортопедии имени Вредена и пары других больниц! Пациентов тоже пришлось вызывать: хоть люди и стоят в очереди на операцию, нельзя забывать, что начинается дачный сезон. А кто у нас самые заядлые дачники? Правильно, пенсионеры, они же – самые вероятные пациенты ортопедической хирургии! И все же койки удалось заполнить быстро, а послеоперационных больных без осложнений и сопутствующих заболеваний не держат в стационаре больше недели

– народ ломанулся валом, и теперь Мономах уже опасался, что квот на всех не хватит: придется звонить в Комитет и просить еще!

Так что вряд ли удастся в ближайшее время уйти в отпуск, как он рассчитывал. А жаль, ведь Мономах планировал провести время с сыном, которого почти не видел в течение года, если, конечно, исключить общение по видеосвязи! Может, к концу июля все рассосется и удастся выкроить пару недель?

Еще раз посмотрев на кипу бумаг на столе так, словно каждый из этих документов являлся его личным врагом, мешающим спокойно жить, Мономах решительно поднялся и направился к вешалке, на ходу стягивая халат, который, казалось, врос в тело за время, проведенное в операционной. И тут зазвонил телефон. Не мобильный, а стационарный, и это могло означать лишь одно: звонок официальный, придется снова вернуться к работе! Не брать? В принципе, время позднее, и никто бы не удивился... Черт, так нельзя – вдруг что-то важное?

– Владимир Всеволодович? – раздался мелодичный голос на другом конце провода, и Мономах решил, что его обладательница, должно быть, молода. Секретарша какой-то «шишки»?

– Слушаю, – произнес он не слишком любезно: названивать позднее конца рабочего дня по меньшей мере невежливо!

– Наверное, вы меня не помните, я работала медсестрой в вашем отделении лет пять назад... Далманова я...

– Ольга Далманова? – перебил Мономах. – Ну почему же, я прекрасно тебя помню! Что, решила вернуться? А то у нас катастрофически не хватает среднего медперсонала...

– Да я, честно говоря... Владимир Всеволодович, вы действительно взяли бы меня обратно?

– Естественно, у меня есть две незакрытые ставки, а ты, если мне не изменяет память, хорошо работала!

– Спасибо. Может, я и вернусь!

– Оля, у тебя что-то случилось?

– Почему вы так решили?

– Ну, у тебя голос такой...

– Какой?

– Встревоженный, по-моему.

– Правда?

В трубке ненадолго повисло молчание, потом девушка снова заговорила.

– Владимир Всеволодович, вы правы: кое-что есть, только... – она снова осеклась.

– Оля?

– Я просто не знаю, с кем еще поговорить!

– Ты можешь поговорить со мной, если хочешь.

– Но не по телефону, хорошо?

– Можешь прийти в больни...

– Нет-нет, я не хочу посторонних глаз и ушей – меня же все знают!

Господи, что могло случиться такого, из-за чего Оля Далманова опасается огласки и даже просто того, что ее кто-то увидит в обществе Мономаха?!

– Хорошо, где ты хочешь поговорить? – спросил он вслух. – Может, мне подъехать к твоей...

– Нет-нет, только не к работе! – тут же перебила она. – Но рядом с нашим медицинским центром есть круглосуточное кафе. Я сегодня дежурю, так что смогу выскочить минут на двадцать. Когда вы сможете?

– Ну-у, – взглянув на часы, протянул Мономах, – где-то через час, если пробок не будет.

– Значит, около девяти... Хорошо, Владимир Всеволодович, буду ждать вас в кафе. Оно там одно, не перепутаете! И, на всякий случай, запишите мой сотовый.

Повесив трубку, Мономах откинулся на спинку кресла и призадумался. Оля Далманова действительно была хорошей медсестрой – знающей, опытной и, что немаловажно, добросердечной. Чем больше молодежи приходило в отделение Мономаха, тем глубже он убеждался, что эти ребята и девчонки в большинстве своем неправильно воспринимают медицинскую профессию, относясь к ней как к способу заработать на жизнь. Может, если тебе повезло устроиться в дорогой медицинский центр или твоя специализация, скажем, пластический хирург или ортодонт, тогда, конечно, справедливо ожидать хороших доходов. В остальных случаях придется довольствоваться довольно скромным заработком и подарками от пациентов, если они сами пожелают тебя отблагодарить. Но ведь есть еще и удовлетворение от того, что ты занимаешься любимым делом, и оно приносит пользу людям! В наши дни это звучит слишком пафосно и неуместно, но и сам Мономах, и те, у кого он учился, в большинстве своем придерживаются именно такой идеологии. Это не означало, что они чужды материальных благ и не нуждаются в деньгах – просто они избрали такой образ жизни, который не позволяет разбогатеть, и свыклись с этой мыслью. В юности, живя на сущие копейки, Мономах утешался тем, что сравнивал себя с великими художниками и писателями – как правило, с Амедео Модильяни и Эдгаром По. Оба умерли в бедности, а при жизни влачили жалкое существование, однако даже не подумали сменить сферу деятельности, предпочтя продолжать делать то, к чему лежит душа, пусть даже это и не приносит дивидендов! Само собой, среди представителей его профессии встречаются отдельные индивиды типа бывшего главврача Муратова, ставящие финансовую составляющую превыше всего, но Мономах искренне считал, что судьи им – только Бог да Следственный Комитет. И собственная совесть, если она, конечно, не отмерла еще в подростковом возрасте как ненужный рудимент. К сожалению, типы вроде Муратова в последнее время стали попадаться все чаще... Вот и Оля вынуждена была уйти в более «хлебное» место: на ее попечении находились маленький сынишка и сестра-инвалид, что заставило ее искать зарплату повыше. Мономах не осуждал медсестру, хотя и сожалел о ее уходе. Он не интересовался ее дальнейшей судьбой, полагая, что у нее все хорошо. Однако до него доходили слухи, что Оля устроилась в дорогой медицинский центр на Васильевском острове. Это центр города, а значит, расценки аховые, что позволяет надеяться на хорошие заработки. И вот неожиданно, спустя насколько лет, медсестра звонит с просьбой о встрече. Мономах понял по ее голосу, по тону, что она близка к состоянию паники, и не представлял, что могло настолько взволновать молодую женщину, вынудив обратиться к нему, человеку, с которым судьба развела ее давным-давно. Да и близки-то они никогда особо не были – какая близость между завом отделением и средним медперсоналом!

Подавив вздох, Мономах потянулся за ключами от кабинета.

* * *

– Итак, что заставляет вас подозревать преследование, Инга Алойзовна?

Алла изо всех сил изображала заинтересованность, хотя на самом деле считала, что дело не стоит выеденного яйца: если бы не личная просьба руководителя следственного управления Андрона Кириенко, генерал-майора юстиции и ее непосредственного руководителя, она бы ни за что не стала этим заниматься! Если ты считаешь, что тебя кто-то преследует, обращайся в местное отделение полиции, там обязаны принять меры – совершенно необязательно бежать со своими предположениями аж в Следственный Комитет, напрягая при этом все доступные связи! Из-за таких вот паникеров, обладающих «волосатыми лапами» на разных уровнях, по-настоящему пострадавшие люди вынуждены ждать своей очереди без особой надежды.

– Честно говоря, Алла Гурьевна, я не ожидала, что Тимур разовьет такую бурную деятельность и обратится в СК!

Вот так номер! Выходит, звонок Кириенко был инициативой какого-то там Тимура? Что ж, голос у нее приятный, у этой Цибулис, да и внешность вполне себе презентабельная: наверное, такой и должна быть врач, имеющая дело с тяжелобольными – она вызывает доверие и расположение, дает надежду.

Инга Цибулис была миниатюрной, стройной женщиной чуть за сорок. Никто не назвал бы ее красивой – слишком острые черты лица, нос длинноват, глаза близко посажены, – но все же она была по-своему привлекательна благодаря густой копне медно-рыжих волос и молочно-белой коже без следа веснушек, что, по наблюдениям Аллы, является редким исключением из правил представителей такого фенотипа. Кроме того, улыбалась Цибулис очаровательно, одними уголками губ, но выходило это у нее как-то мило и тепло, даже вроде бы виновато. Похоже, докторша ощущала себя не в своей тарелке в кабинете следователя, и Алла ее понимала: мало кто может здесь расслабиться.

– Кто такой Тимур? – поинтересовалась Алла, не любившая, когда ей что-то неизвестно.

– Хороший друг, – мягко пояснила собеседница, и по ее тону стало ясно, что друг этот и в самом деле очень близкий – Алла легко улавливала полутона. – Он запаниковал... зря я ему рассказала!

– Ну, раз уж вы здесь, может, расскажете все с самого начала?

– Честное слово, Алла Гурьевна, я не думаю, что дело серьезное...

– Ваш... друг и мой начальник считают, что это так, а значит, стоит, по крайней мере, разобраться. Вполне вероятно, вы правы, и тогда мы просто разойдемся. Но если их опасения имеют под собой основания, то, чем раньше мы оценим уровень опасности, тем лучше!

– Хорошо! – вздохнула Цибулис и взъерошила волосы пятерней – жест, который могла позволить лишь полностью уверенная в себе женщина, не боящаяся нарушить безупречность прически. – Возможно, меня действительно кто-то преследует, но я не уверена, что это опасно.

– Какие факты заставляют вас так полагать?

– Некоторое время назад прокололи шины моего автомобиля...

– Господи, это же сплошь и рядом случается – ну, побаловался кто-то, и все! – перебила ее Алла.

– Я тоже так подумала, но это случилось снова. И снова.

– Трижды?

– Четырежды, если быть точной.

– А вот это уже интересно! – пробормотала Алла, чувствуя, как раздражение от того, что ее оторвали от важных занятий ради беспочвенной тревоги истеричной дамы, постепенно отступает, уступая место азарту, который она ощущала каждый раз, когда пахло интересным расследованием. – Что-то еще?

– Мой почтовый ящик подожгли. В нашем подъезде везде стоят камеры, но на них отсутствуют записи в момент поджога!

– Что, совсем?

– Да нет, но... там помехи, понимаете?

– Понимаю. Похоже, ваш недоброжелатель с техникой на «ты»!

– А еще мне постоянно названивают – и на мобильный телефон, и на домашний. Я даже номера сменила, но это не помогло! Тимур пытался пробить этого телефонного террориста по своим каналам, но оказалось, что звонки приходят из-за границы, причем из разных стран!

– Больше ничего нет?

– Слава богу, нет, – покачала головой Цибулис. – Потому-то я и не особенно беспокоюсь: ну да, звонки раздражают, да и машину жалко, но физически, по крайней мере, мне навредить не пытаются.

– Это ни о чем не говорит, – возразила Алла. – Если вас преследует маньяк, то, почувствовав безнаказанность, он может перейти к более активным и, соответственно, агрессивным действиям.

– Маньяк?! – переспросила Цибулис, словно такая мысль до сих пор не приходила ей в голову. – Это же ерунда какая-то!

– Почему?

– Да кто я? Актриса? Певица? Знаменитость какая-то? Это их преследуют всякие ненормальные, а я известна только в узком кругу врачей и пациентов – с какой стати кому-то этим заниматься!

– У вас есть предположения, кто это может быть? Может, недовольный лечением пациент или коллега, которого вы обошли на карьерной лестнице?

– Не думаю... Знаете, Алла Гурьевна, недоброжелатели есть у всех, но это же не означает, что кто-то из них на такое способен!

– Люди разные, Инга Алойзовна, – резонно ответила на это Алла. – Никогда не знаешь, чего от них ожидать!

Некоторое время Цибулис молчала, как будто пытаясь осознать, насколько велика опасность, которую она до сих пор была склонна преуменьшать. Алла решила не дожидаться окончания процесса и задала новый вопрос:

– У вас есть враги, Инга Алойзовна?

– Враги? Да у кого же их нет?!

– Надо составить список.

– Это будет выглядеть как донос!

– Ничего подобного, ведь никто не собирается задерживать людей лишь на основании ваших предположений! Однако необходимо выяснить, у кого из них на вас такой огромный зуб, что они не жалеют ни времени, ни ресурсов на то, чтобы затруднить ваше существование. Предлагаю начать прямо сейчас. Вот вам бумага, вот ручка – пишите!

Оставив Цибулис в кабинете, Алла решила прогуляться до кабинета Кириенко. Ей просто необходимо было выяснить, насколько важная птица эта докторша, кто такой загадочный Тимур, и почему высокое начальство заинтересовано в помощи этим людям. Алла любила определенность во всем, что тут поделаться?

Затрещал телефон в кармане брюк, и она с удивлением увидела, что на экране высветилось имя Ивана Гурнова. Гурнов работал в одной больнице с Мономахом, только, если второй был хирургом-травматологом, то первый заведовал патологоанатомическим отделением, которое Мономах шутливо окрестил «царством Аида». С некоторых пор Иван, с подачи Аллы, начал сотрудничать со Следственным Комитетом, и она не раз пользовалась услугами этого компетентного и эрудированного специалиста. Немаловажную роль в том, что Алле пришлось в голову «сосватать» Гурнова начальству в качестве судмедэксперта, сыграла его близкая дружба с Мономахом, человеком, с которым Алле хотелось сблизиться с самой первой встречи. Однако она не ожидала, что Гурнов позвонит, так как, насколько ей было известно, никаких общих дел они в данный момент не вели.

– Алла Гурьевна, приветствую! – отрывисто прокаркал патолог хриплым, низким голосом.

– Добрый день, Иван Геннадьевич...

– Да как сказать! – перебил он.

– Что вы имеете в виду? – встревожилась Алла. – Что-то случилось?

– Да, Алла Гурьевна, случилось, иначе я бы не стал вас беспокоить в разгар рабочего дня!

– В чем дело?

– Моно... то есть, Володька Князев пропал. В смысле, доктор Князев.

– То есть... как это – пропал? – с запинкой переспросила Алла, пытаясь переварить невероятную новость.

– Да вот так, как я и говорю! Сегодня не пришел на работу, никто понятия не имеет, где он – ни главврач, ни его подчиненные, ни даже я!

– Может, он заболел?

– Да не может, потому что его нет дома – он там не ночевал! Мне звонил Сархат...

– Сархат – это его работник? – перебила Алла.

– Ну да, приживал его, – подтвердил Гурнов.

– Иван Геннадьевич, Владимир Всеволодович – взрослый, здоровый мужчина, и он имеет право...

– Да в курсе я, что он имеет право не ночевать дома, но он не предупредил Сархата, что не приедет, понимаете? Он никогда так не поступает! И потом, как быть с тем, что он не появился на работе? Нелидова точно была бы в курсе, если бы он отъехал в Комитет по здравоохранению или еще куда-то по делам...

– Вы ему звонили?

– И я, и Сархат оборвали телефон, но Мо... Вовка не отвечает!

– Вне доступа или что?

– Да нет, просто длинные гудки. Алла Гурьевна, надо что-то делать: я его знаю, и уверен, что что-то случилось! Мы буквально недавно говорили с ним о такой ситуации...

– О какой?

– Ну, если вдруг кто-то из нас исчезнет...

– То есть он предполагал такую возможность?

– Да нет же, мы рассуждали гипотетически, в связи с делом Рукояткина¹. Он ведь тоже пропал, никто его не искал, и если бы...

– Я прекрасно помню это дело, Иван Геннадьевич, – снова прервала доктора Алла, холодея от одной мысли о том, что Мономах и впрямь попал в беду. – Вы правильно сделали, что позвонили: я обязательно его найду!

– Найдите, Алла Гурьевна, потому что мы уже сделали все возможное, за исключением подачи заявления о пропаже человека в полицию!

– Не думаю, что в подобной мере есть необходимость, оставьте это дело мне, ладно? Я свяжусь с вами, как только что-нибудь узнаю. И вы, если...

– Разумеется, если он объявится, я сразу же поставлю вас в известность!

Повесив трубку, Алла внезапно обнаружила, что ее потряхивает. Да ладно, что, собственно, случилось-то? Ну, не ночевал мужик дома, ну, прогулял работу... Если бы речь шла о ком-то другом, она бы так и подумала, но Мономах?! Нет, он не мог по своей воле так поступить, и не зря Гурнов беспокоится о приятеле, ведь он знает его, пожалуй, лучше любого другого!

Забыв о том, что в ее кабинете находится жертва преследования, Алла присела на подоконник и попыталась рассуждать здраво. Что могло произойти со взрослым мужчиной в большом городе? Ответ пришел сразу – да все что угодно! Мегаполис в наши дни – опасное место, и никто не застрахован как от несчастного случая, так и от преднамеренного нападения – вот, в ее кабинете сейчас сидит живой пример... Гурнов говорил, что звонил Мономаху много раз, как и его работник Сархат, и все же она решила проверить их слова. Все оказалось именно так, как они утверждали: длинные гудки, говорящие о том, что некому снять трубку. Тогда Алла набрала другой номер.

– Алло-о! – почти сразу раздался раскатистый голос. – Доброго дня, Алла Гурьевна!

– Игорь, здравствуйте! Мне срочно нужно выяснить, где находится один телефончик.

¹ Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Клиническая ложь».

– Диктуйте номер, сейчас узнаем!

* * *

Мономах сидел на жесткой шконке в полном одиночестве. Единственной связью с внешним миром для него оставалось маленькое зарешеченное окошко, потому что телефон отобрали при задержании. Он просил позволить ему позвонить на работу и предупредить о случившемся, однако крепкий молодчик в черной косухе и джинсах грубо ответил, что «куда нужно они позвонят сами». Поначалу Мономах даже не был уверен в том, что скрутившие его люди действительно работают в органах охраны правопорядка, но позднее, когда его привезли во вполне официальное учреждение, сообщили дежурному в форме о прибытии задержанного и заперли в камере, он немного успокоился: в конце концов, рано или поздно все выяснится. Только вот что выяснится? Мономах не в первый раз сталкивался с правоохранителями и понимал, что находится в весьма невыигрышном положении: его фактически застали с руками по локоть в крови рядом с холодеющим трупом молодой женщины. Проверив его сотовый, они узнают, что он несколько раз звонил убиенной незадолго до ее гибели: Ольга задерживалась, поэтому Мономах хотел выяснить, в чем дело... Что из всего этого следует? То, что он ее и порешил!

Его слегка потряхивало. Мертвых и искалеченных тел он на своем веку повидал немало: работая хирургом-травматологом, раньше Мономах частенько имел дело с жертвами всевозможных аварий и производственных травм, хотя в последнее время у него были по большей части плановые пациенты. Тем не менее впервые на его руках умерла его знакомая, бывшая подчиненная, а он, как ни старался, ничем не сумел ей помочь. А вот теперь – кто же поможет ему самому? На нем по-прежнему заляпанная бурой жидкостью клетчатая рубашка и джинсы, тоже с пятнами крови. Спасибо дежурному – дал несколько влажных салфеток, чтобы хоть руки вытереть, но кровь нужно хорошо смывать большим количеством воды, иначе только размажешь...

Казалось, его вид совершенно не смутил следователя, который с самого утра затребовал Мономаха к себе. Проведя ночь в камере, задержанный выглядел потрепанным и невыспавшимся – а кто бы блаженно почивал в подобном месте?! Как и ожидал Мономах, его уже признали виновным, осудили, приговорили и, судя по всему, готовили к отправке на лесоповал – и все это произошло всего за восемь или девять ночных часов. Следователь задавал странные вопросы: не о том, как он оказался на месте преступления и почему был вымазан в крови погибшей, а о том, кем она ему приходилась и как часто они общались или встречались. Создавалось впечатление, что следователю известно нечто, о чем сам Мономах понятия не имеет, и ощущение было не из приятных.

Невеселые думы Мономаха прервало громыхание замка снаружи, после чего дверь с душераздирающим скрипом распахнулась (господи, неужели нельзя смазать ее, чтобы не резала слух?!) и на пороге возник человек, которого Мономах меньше всего ожидал увидеть.

– Спасибо, можете идти, – произнесла Суркова, обращаясь к дежурному. Тот повиновался, привыкший подчиняться приказам вышестоящего начальства. Несмотря на пережитое и беспокойство о собственной судьбе, Мономах не мог не отметить, что следовательша выглядит иначе, чем в последнюю их встречу – видимо, диета снова дает плоды: она кажется посвежешей и постройневшей. Не модель, конечно (впрочем, с ее небольшим ростом такое не представлялось возможным даже с параметрами девяносто-шестьдесят-девяносто!), однако – молодая, привлекательная женщина с приятными формами, не более того. И, похоже, она что-то сделала с волосами: стрижка все такая же короткая, но другая.

Алла тоже рассматривала Мономаха, поднявшегося при ее появлении. Вряд ли он сделал это из вежливости (она никогда не замечала за доктором куртуазности), просто он, очевидно,

был взволнован ее внезапным появлением. Алла отметила его усталый вид, щетину на лице, пятна крови на рубашке и джинсах, а также какой-то потухший взгляд, обычно светившийся интересом или азартом. Поэтому ее первым вопросом стал не тот, который она планировала:

– Как вы тут, Владимир Всеволодович?

– Ничего, – поморщившись, ответил он.

– Вас не обижали?

– В смысле, физически? Нет.

– А как-то иначе?

– Алла Гурьевна, как вы здесь оказались? Никто же не знает, что я здесь!

– Благодарите ваших друзей – они подняли всех на уши.

– Ваня?

– Точно! И правильно сделал, иначе вообще неизвестно, когда бы мы выяснили ваше местонахождение! Владимир Всеволодович, почему вы мне не позвонили?

– У меня отобрали телефон.

– А почему не назвали мое имя и должность?

– Не хотел неприятностей... для вас. Думал, все само собой рассосется, ведь я ничего не сделал!

– Лично я в этом не сомневаюсь, но следователь по вашему делу, похоже, считает иначе.

– Вы с ним говорили?

– Еще нет. На самом деле мы беседуем в нарушение всех возможных правил: следователь не в курсе, что я здесь. Давайте-ка присядем, и вы расскажете, что произошло, пока я не услышала версию следователя, хорошо?

Они уселись на шконку, и Алла сложила ладони на коленях, приготовившись слушать. Мономах помимо собственной воли задержал взгляд на ее руках. Будучи медиком, к тому же хирургом, он всегда обращал внимание на руки других людей. У Сурковой были небольшие слегка удлинённые ладони с тонкими пальцами и коротко подстриженными ногтями красивой формы. Она покрывала их бесцветным лаком, из-за чего ногти слегка поблескивали в тусклом свете висящей над головой лампы.

Сделав глубокий вдох, Мономах заговорил.

– Вчера вечером, в конце рабочего дня, мне позвонила Оля Далманова...

– Убитая, то есть? – уточнила Алла.

– Верно.

– Откуда вы ее знаете?

– Она раньше работала медсестрой в больнице. В моем отделении.

– А потом ушла? Почему?

– Нашла более высокооплачиваемую работу в частной клинике.

– Вы часто общались с тех пор, как она уволилась?

– Нет, ни разу, я...

– Ясно. Продолжайте!

– Так вот, она позвонила и попросила о встрече.

– Объяснила цель?

– Не совсем.

– То есть?

– Ну, у меня создалось впечатление, что она подумывает о смене работы. В смысле, планирует вернуться к нам.

– Она прямо так и сказала?

– Только намекнула.

– На новом месте не прижилась?

– Не могу сказать.

– И что же, только из-за того, что какая-то там медсестра надумала вернуться в ваше отделение, вы согласились на эту встречу?

– Да нет, конечно, тем более что вопросы трудоустройства я обсуждаю на рабочем месте! Дело в том, что Ольга дала мне понять, что обеспокоена чем-то, причем очень сильно. Она прямо сказала, что не знает, к кому еще обратиться, и я понял, что проблема серьезная.

– Как думаете, это связано с работой или личное?

– Понятия не имею, ведь мы так и не поговорили!

– Почему не позвали ее в больницу? Зачем понадобилось встречаться на каких-то задворках?

– Да мы вовсе не там договорились встретиться! Речь шла о кафе неподалеку от ее медицинского центра. Ольга в тот день дежурила и могла только ненадолго...

– То есть она сорвалась на встречу с дежурства? Похоже, дело того стоило!

– Я тоже так подумал, – кивнул Мономах. – Кроме того, Ольга дала понять: то, что она намерена сообщить, нельзя обсуждать по телефону. И еще: она ни в коем случае не хотела, чтобы я пришел к ней на работу – вообще не хотела, чтобы нас видели вместе, как мне показалось.

– Странно! Итак, как же вы оказались в том переулке?

– Я нашел кафе, о котором говорила Ольга, сел там и стал ждать. Когда она не появилась ни через десять минут, ни через двадцать, я позвонил ей, но она не ответила. Позвонил еще раз – с тем же результатом.

– И тогда вы отправились на ее поиски?

– Я решил пойти в медицинский центр, так как забеспокоился, ведь по телефону ее голос звучал так... Разве не странно, что человек неожиданно объявляется спустя несколько лет и просит о встрече, хотя мы никогда близко не общались? Я ценил Ольгу за добросовестность и профессионализм – и только, мы редко разговаривали, и никогда – на личные темы. Все, что я о ней знал, так это что она в разводе и воспитывает сына!

– Понимаю. Значит, вы пошли к ее месту работы... Кстати, почему дворами, а не по внешней стороне улицы?

– Так же быстрее! Кроме того, там фонари, светло...

– Хорошо. Расскажите, как и где вы обнаружили жертв... Ольгу, то есть.

– Сначала я ее не увидел. Думаю, прошел бы мимо, но заметил валяющуюся у мусорных баков раскрытую сумку. Заглянул за баки...

– И она была там?

– Да.

– Мертвая?

– Еще живая. Она зажимала рукой жуткую рану на горле, и было понятно, что... ну, что ничего сделать нельзя.

– Но вы попытались?

– Естественно, я же врач!

– Что вы сделали?

– Положил руку поверх ее ладони, чтобы попытаться остановить кровь. Она к тому времени уже потеряла около двух литров, судя по луже на асфальте, так что...

– Она что-то сказала?

– С перерезанным горлом? Вы шутите!

– Телефон был при ней?

– Н-не знаю, – неуверенно пробормотал Мономах. – Вы понимаете, я же не обыскивал ее!

– Надо выяснить насчет денег и телефона – вдруг речь идет о банальном ограблении? Если при вашей бывшей медсестре была сумочка, то на нее могли напасть, чтобы отнять ее, надеясь обнаружить внутри кошелек.

– Зачем убивать, если можно просто отобрать?! Ольга была субтильного телосложения, справиться с ней не составляло труда!

– Наркоманам и всяческим другим отморозкам, знаете ли, все равно, Владимир Всеволодович! – возразила Алла. – Если, скажем, Ольга вздумала сопротивляться, не хотела отдавать сумку...

– Следователь говорит, что ее зарезали хирургическим скальпелем.

– Вот как... Не самое распространенное орудие, однако нельзя сказать, чтобы его невозможно было найти людям, не имеющим отношения к медицине, верно?

В эту самую минуту наружный замок на двери снова громохнул, и дверь открылась с тем же ужасающим скрипом, что и при появлении Сурковой.

– А что тут, собственно, происходит? – грозно поинтересовался толстощекий мужчина в плохо выглаженном костюме. Вернее, это был не совсем костюм – пиджак и брюки явно из разных комплектов. А еще, похоже, он отлично понимал происходящее, но желал показать, как сильно оно ему не нравится. За его спиной неловко переминался с ноги на ногу дежурный.

– Мы уже закончили, – поднимаясь, ответила на это Алла. – Вы, я так понимаю, следователь Никифоров?

– Петр Иванович, да. А вы, выходит, та самая, из СК?

– Видимо, да. Поговорим?

Кабинет Никифорова выглядел так же, как и сам следователь – неухоженным и потрепанным. В углу стоял заваленный бумажками стол с пятнами от чая и кофе, которые никто не удосуживался своевременно устранять, и они въелись в столешницу, образовав неаккуратные грязные узоры на поверхности. Хозяин кабинета не предложил Алле присесть, но она сама уместилась на единственном стуле, подвинув его поближе к столу. Никифоров шмякнулся в старое, обитое кожзамом кресло по другую сторону от нее. Кресло жалобно пискнуло – во всяком случае, Алле так показалось.

– Ну? – изогнув бровь, произнес следователь, так как Алла не спешила начинать разговор.

– Вы первый, – ровным голосом ответила она. – Я уже кое-что знаю в общих чертах.

– Ну да, конечно! – неприятно ухмыльнулся собеседник. – И что же наш доктор успел порассказать?

– Что нашел умирающую жертву и попытался ей помочь.

– Ага, как же!

– Вы ему не верите?

– Мужика поймали на месте преступления – разумеется, он станет себя выгораживать и утверждать, что не убивал!

– Послушайте, Петр Иванович, вы вообще в курсе, кого задержали?

– Естественно! Только это не имеет значения: кто сказал, что уважаемый человек не способен на ужасный поступок?

– Никто, – согласилась Алла. – Однако вы, мой коллега, как никто другой должны понимать, что для убийства, во-первых, необходим мотив, а его, насколько я понимаю, нет.

– Он *пока* неизвестен.

– Допустим. Неужели вы считаете, что доктор Князев решился бы на убийство практически на открытом месте...

– Там со всех сторон здания и мусорные баки, закрытый двор – очень удобное местечко для того, чтобы спрятать труп и скрыться незамеченным!

– Я имела в виду – на улице, поблизости от оживленных мест, где полно народу.

– А если он не планировал убийство? – парировал Никифоров. – Ну, поругались они с жертвой, и вот так все вышло? И не забывайте: наши спецы установили, что жертва была зарезана при помощи хирургического скальпеля...

– Так точно определили?

– Без каких-либо сомнений!

– Орудие преступления обнаружили?

– Нет, но Князев – медик, более того, хирург!

– И что?

– Как – что? – развел руками Никифоров. – Хирург, скальпель – не наводит ни на какие мысли? Он ведь каждый день работает с этим инструментом!

– Бросьте, Петр Иванович! – усмехнулась Алла. – По вашему выходит, что если жертву убили кирпичом, то убийца – обязательно строитель, что ли?

– Не надо утрировать, Алла Гурьевна! – надулся следователь.

– Или вы полагаете, что Князев повсюду таскает с собой набор хирургических инструментов?

– Если он намеревался убить жертву...

– Вы же сами предположили, что он, скорее всего, ничего не планировал!

– Не надо ловить меня на слове... как вас там?

– Алла Гурьевна, – спокойно ответила она, нимало не смущенная неприкрытым хамством: она привыкла к такому отношению, ведь она – не просто следователь из Следственного Комитета, она – женщина, и у многих представителей противоположного пола этот факт вызывает неприязнь. Как она смогла подняться так высоко, став руководителем Первого следственного отдела Первого управления по расследованию особо важных дел? Не иначе, через «руководящую» постель! Она априори обладает гораздо большими полномочиями, чем любой следак в Питере, поэтому через одного они всякий раз пытаются показать, что стоят выше ее если не по иерархической лестнице, то хотя бы по половому признаку. Алла вовсе не являлась феминисткой, и, хотя ее бесил столь откровенный шовинизм, она не желала усугублять ситуацию, боясь навредить Мономаху – по крайней мере, до тех пор, пока тот не окажется на свободе.

– Так вот, Алла Гурьевна, – продолжал Никифоров, вальяжно раскинувшись в своем кресле – еще минута, и он плавно соскользнет под стол, – в моих руках находится основной и пока что единственный подозреваемый, и я не намерен отказываться от своей версии!

– А я вас об этом и не прошу. Вы готовы предъявить обвинение? Не забудьте только, что в этом случае вам придется его обосновать!

– Чего вы от меня ждете?

– Что вы отпустите Князева под подписку. По-моему, это логично – по крайней мере, до тех пор, пока у вас на руках не окажется что-то более существенное, чем отсутствующие доказательства его вины!

– Почему это – отсутствующие?

– Вы нашли орудие убийства? Или, может, установили мотив?

– У него имелась возможность совершить убийство!

– Один фактор из трех необходимых – слабоватая база, не находите? Вы не можете держать человека под замком только на этом основании и отлично это понимаете! А вот я не понимаю, зачем мы тратим время попусту: вам надлежит немедленно освободить доктора Князева из-под стражи и заняться поиском железобетонных доказательств его причастности к убийству. Или, что, как мне кажется, было бы намного продуктивнее – поиском других возможных подозреваемых. Так мы поняли друг друга, или мне придется действовать грубо?

– Кто он вам, этот Князев? – вместо ответа поинтересовался Никифоров. – Брат, сват, любовник?

– Он – человек, спасающий жизни, а не отнимающий их, – не реагируя на неприкрытую наглость, ответила Алла. – Я не хочу, чтобы вы теряли драгоценное время, разрабатывая его, вместо того чтобы искать настоящего убийцу. Предупреждаю, вам не удастся «втоптать» его в вашу версию! Так мы договорились или...

– Ладно-ладно, забирайте вашего приятеля! – гаденко ухмыльнулся Никифоров. – Я со своей стороны могу вам обещать, что выясню, отчего вы так о нем печетесь: не иначе тут есть личные мотивы, Алла Гурьевна!

– Займитесь лучше мотивами убийцы, – посоветовала она. – С этим у вас, судя по всему, большие проблемы!

* * *

Стоя над раковиной, Мономах вглядывался в зеркало и изучал собственное лицо. Пребывание в камере не оставило на нем сколько-нибудь заметных следов, и это казалось странным. Ольги, молодой женщины, матери и дочери, нет, а жизнь идет своим чередом, и даже он, на чьих руках она испустила последний вздох, ничуть не изменился! То, что его обвинили в ее убийстве, Мономаха не беспокоило: рано или поздно все выяснится, ведь Суркова не выпустит дело из-под своего контроля, и тот следак, Никифоров, не сумеет все обстряпать шито-крыто. А вот почему умерла Ольга... Стоп, это не его дело! Сколько раз из-за своего неуместного любопытства Мономах попадал в неприятности, и не сосчитать – пусть убийством занимаются те, кому это по должности положено!

И все же Ольга позвонила именно ему, когда ей потребовалась помощь. Черт, он даже не знает, какого рода помощи она ждала! Был ли ее звонок связан с причиной ее убийства, или просто так сложились обстоятельства, и молодая женщина погибла случайно, просто потому, что кому-то понадобились деньги? Суркова спрашивала про сумочку...

Нет, нельзя углубляться в это дело, так и до беды недалеко! Надо заниматься тем, в чем он разбирается – медициной, костями, суставами...

Вернувшись в кабинет, Мономах сел за стол и позвонил Татьяне Лагутиной. Коротко сказал: «Зайди!» – и повесил трубку. Татьяна была вечной головной болью Мономаха в силу своей грубости и неистребимой лени. И все это при том, что она отлично знает свое дело и, при необходимости, умеет мобилизоваться и действовать профессионально и эффективно. Если бы Мономах не испытывал такого острого дефицита в среднем медперсонале, то давно избавился бы от неприятной в общении и неуживчивой девицы, однако в таком отделении, как ТОН, никакая пара рук, даже самых кривых, не бывает лишней. Пациенты зачастую испытывают проблемы с передвижением, поэтому любая медсестра или санитарка – на вес золота. Мономаху, одному из немногих во всей больнице, удалось выбить себе ставку санитарки, которую делили между собой две пенсионерки, очень добросовестные и жалостливые дамы – не в пример Лагутиной! Так что, не нуждайся Мономах в ее услугах в данный момент, он бы с удовольствием избежал этого разговора, но, к сожалению, без него не обойтись: какой бы хабалкой ни была Лагутина, она представляла собой настоящий кладезь информации обо всем, что касалось больницы, – оставалось лишь удивляться, как ей удается добывать сведения из людей, ведь она отнюдь не тот человек, к которому все бегут делиться новостями!

Татьяна, как обычно, вошла без стука. Вернее, она, конечно же, царапнула ногтями внешнее полотно двери кабинета, однако дожидаться приглашения и не подумала и с порога вопроесила с раздражением:

– Ну что опять, Владимир Всеволодович, кто на этот раз пожаловался?! Небось Кузькина из пятой «Б»? Боже мой, ну подумаешь, полежала лишних пять минут с капельницей – куда ей торопиться-то?!

– Присядь-ка, – приказал Мономах, и Лагутина, притихнув, подчинилась: видимо, его вид показался ей не обещающим ничего хорошего, и она сочла за лучшее попридержать коней.

– Ты помнишь Ольгу Далманову? – спросил он, когда девушка, похожая на Останкинскую телебашню и ростом, и телосложением, опустилась на стул.

– Кого? – глаза навывкате выпучились еще больше, Лагутина явно не ожидала такого вопроса: похоже, ее мысли занимала пациентка, которая оказалась не удовлетворена ее работой.

– Далманову Олю, твою коллегу, – со вздохом повторил Мономах. – Она работала здесь около...

– Ольку-то? – перебила Татьяна, чуждая как субординации, так и обычной для большинства людей вежливости. – Далманову? Так она ж года четыре назад уволилась – на кой ляд она вам понадобилась?

Игнорируя хамство (хотя, надо отдать Лагутиной должное, сама она вряд ли сознавала, что это именно оно), Мономах пояснил:

– Мне нужно с ней поговорить.

– Могу дать телефон, – пожала узкими и тощими плечами медсестра.

– Телефон у меня есть, мне нужен адрес.

– Так в чем проблема-то? Позвоните и спро...

– Ольга умерла.

– Че?

– Ну нет ее больше, понимаешь?

– Нет... Она ж моего возраста!

– Думаю, да.

– В аварию, что ли, попала? А я говорила, сиди себе на месте, не рыпайся! Все искала, искала, где условия лучше... Доискалась!

Татьяна и тут умудрилась сказать гадость вместо того, чтобы выразить сочувствие, но Мономах не собирался ее стыдить: ему требовались сведения, и он намеревался их получить во что бы то ни стало.

– Так есть у тебя адрес или как? – спросил он, едва сдерживая злость из-за того, что вынужден вести такую долгую беседу со столь незначительной личностью, считающей себя пупом земли.

– А зачем вам адрес? – удивилась медсестра. – Если она померла...

– Хочу навестить родственников, узнать, не нужна ли помощь.

– Ох, Владимир Всеволодович, да вам-то что за дело?! Олька давным-давно в другом месте работает... работала, то есть, значит, и помогать должно тамошнее ее начальство, нет разве? Она ведь нас предала, сбежала, нашла местечко потеплее, а вы ей помогать хотите?!

– По-моему, ты не совсем правильно меня поняла, Татьяна, – отчеканил Мономах. – Я не спрашиваю твоего совета, мне лишь нужна информация. Если ты в состоянии ее предоставить, то давай, нет – отпрывляйся заниматься своими непосредственными обязанностями!

Он знал, что Лагутина ни за что не упустит такую возможность – рассказать всем сногсшибательную новость и не забыть упомянуть о своем в ней «деятельном» участии. Так и вышло: Татьяна полезла в телефон и продиктовала:

– Улица Замшина, дом номер шестьдесят, квартира десять... Вы правда поедете туда?

– Ты капельницу убрала?

– Естес-с-сно, я ж не фашист какой! Эта Кузькина – скандальная баба, чтоб вы знали: все время чем-то недовольна: то суп ей жидкий, то свет над койкой не горит, то...

– Иди, работай! – прервал медсестру Мономах. – И постарайся, чтобы пациенты не писали письменных жалоб, ладно?

– А она что, написала?!

– Иди, я сказал!

* * *

Алла обзрела коллег, с трудом разместившихся в ее крошечном кабинете: здесь едва хватало места для нее и троих оперов. У Аллы была возможность переехать в более просторное помещение (благо должность позволяла), но она ненавидела любые перемены, а потому предпочла уютиться в маленькой комнатке, где ей знаком каждый угол, каждая потертость на полу и даже самая незначительная трещинка на штукатурке. Единственное, на что она недавно согласилась, так это на косметический ремонт, благодаря которому количество этих самых трещинок и потертостей значительно уменьшилось. Но полезная площадь не увеличилась.

– Итак, дорогие коллеги, у нас новое дело! – бодро объявила Алла.

– Сколько трупов? – поинтересовался Александр Белкин, самый молодой сотрудник опергруппы.

– Пока ни одного, – усмехнулась Алла. – Хочется надеяться, что так оно и останется!

– А какого лешего тогда нас дернули? – удивился старший группы и самый опытный оперативник Антон Шеин. – Мы же по особо важным – нет тела, как говорится...

– Антон, не мне вам объяснять, что иногда необходимо, как бы это правильнее выразиться... почесать спинку начальству, понимаете?

– И кому мы «чешем» на этот раз?

– Личная просьба Деда.

«Дедом» за глаза называли Андрона Петровича Кириенко.

– Поня-а-атно, – разочарованно протянул Белкин. – Значит, будем начальство улаживать?

– Честно говоря, дело не такое уж банальное: похоже, кто-то преследует известного в городе онколога, и от нас требуется выяснить мотивы злоумышленника, его имя и, само собой, пресечь противоправные действия.

– По-моему, это, скорее, дело районного отдела полиции, Алла Гурьевна, – резонно заметил Дамир Ахметов. Он нравился Алле своим здравомыслием и рассудительностью, коими отличался от Антона, который был чересчур циничен и в то же самое время довольно импульсивен, и Александра, в силу возраста и неопытности слишком эмоционального и склонного к скоропалительным выводам. Ахметов и внешностью, и поведением напоминал Будду – безмятежного с виду, собранного внутри и совершенно непостижимого для тех, кто пытался его разгадать.

– Согласна, – кивнула она. – Однако Инга Цибулис, наша жертва преследования, почему-то не стала обращаться в местный отдел. Более того, мне показалось, она вовсе не желала приходить и к нам – на этом настоял ее покровитель, некий Тимур.

– А фамилия Тимура? – поинтересовался Антон.

– Понятия не имею. Я не стала спрашивать у Цибулис, так как она очевидно не горела желанием о нем говорить. Вполне возможно, они с этим Тимуром любовники, а он, скорее всего, женат и известен. Я хотела поинтересоваться у Деда, но потом решила этого не делать... Для вас ведь не станет большим неудобством выяснить, кто он такой?

– Разумеется, нет, – пожал плечами Шеин. – Вы этого хотите?

– Этого, а еще всего того, что можно накопать на Цибулис и ее окружение: она составила список, и надо бы по нему пробежаться.

– Так у нас есть список подозреваемых? – воспрянул Белкин. – Кто там, недовольные лечением пациенты?

– Можно было этого ожидать, но, как ни странно, нет.

– Что, все довольны?

– Она онколог, помнишь? – встрял Шеин. – Видать, больные отправляются на тот свет раньше, чем успевают пожаловаться!

– Фи, Антон, как грубо! – поморщилась Алла. – К вашему сведению, у Цибулис процент смертности стремится к нулю – я специально навела справки, тоже в первую очередь подумав о пациентах.

– Удивительно! – задумчиво пробормотал Ахметов. – При такой-то специализации... А кто же тогда в списке недоброжелателей?

– Пара коллег, соседи, бывшие работники, по тем или иным причинам уволенные из клиники. Он короткий, этот список, так что изучение его фигурантов много времени не займет. Я хочу знать, кто может ненавидеть врача настолько, чтобы поджигать ее почтовый ящик и прокалывать шины, умудрившись ни разу не «засветиться» на камерах наблюдения, которыми буквально утыкано пространство вокруг нее и на работе, и дома.

– О, так мы имеем дело с хакером? – вскинулся Белкин.

– Вполне допускаю такой расклад. Пока он не сделал ничего, что можно счесть прямой угрозой жизни или здоровью жертвы, но, согласитесь, «пока» – здесь основное слово. К несчастью, нам известны случаи, когда преследуемые становятся жертвами членовредительства или убийства, чего мы не хотим, верно? Так что необходимо разыскать этого хакера или кто он там такой. И хорошо бы поговорить с парочкой людей, знающих Ингу, но не работающих в ее медцентре – просто чтобы понять, что она за человек... Даю вам полную свободу действий! А вас, Дамир, я попрошу задержаться, – добавила она, когда все мужчины поднялись со своих мест, поняв, что инструктаж окончен.

– «А вас, Штирлиц, я попрошу остаться!» – едва слышно процитировал известного персонажа из сериала «Семнадцать мгновений весны» Шеин, обменявшись с коллегой быстрым взглядом. – No pasaran!

Когда Антон с Александром вышли, Дамир пересел на место рядом со столом Аллы и поднял на нее вопросительный взгляд: она редко просила его о чем-то так, чтобы остальные не были в курсе. Очевидно, дело серьезное!

– Дамир, у меня к вам личная просьба, – подтвердила его подозрения Алла, усаживаясь в свое кресло напротив опера. – И мне бы хотелось, чтобы пока она осталась между нами.

– О чем речь, Алла Гурьевна, – раз вы предупредили... В чем дело?

– Вы помните Владимира Князева? Ну, он...

– Конечно, помню, – перебил Ахметов. – Он вечно влезает в неприятности, а вы его вытаскиваете!

На самом деле все обстояло не совсем так: Мономах часто помогал следствию, идя дальше, чем могли зайти коллеги Аллы, ведь люди с ним порой гораздо откровеннее, чем с представителями власти. Тем не менее для Аллы не было секретом, что опера скептически относятся к «сыщику-любителю», как они его называют, и не желают признавать его очевидных заслуг.

– В общем и целом, да, – нехотя ответила она: в данный момент спорить с тем, кто ей нужен, в планы Аллы не входило.

– Так что там с Князевым – он снова во что-то вляпался?

– Можно и так сказать: его подозревают в убийстве.

– Что? Да ерунда, Алла Гурьевна! Ну да, мужик он... интересный, но чтобы убийство?!

– Это нам с вами все ясно, а вот следователю...

– И кто у нас следак?

– Никифоров, Петр Иванович. Из Адмиралтейского управления МВД.

– Знаю такого, – кивнул Ахметов. – Не договоримся!

– Что, такой принципиальный?

– Да какой там принципиальный – просто нас, комитетских, на дух не переносит!

– А я думала, дело в том, что я женщина!

– Да нет, он нас всех ненавидит. Я слышал, хотя за точность информации не поручусь, Никифоров сам пытался устроиться в Комитет – по благу. Не выгорело, и с тех пор у него на нас зуб. И с очередным званием его обошли. Это, конечно, вообще к нам не имеет отношения, но он теперь зол на весь мир в целом, а на нас – в частности!

– Значит, вы не сможете...

– Кто сказал? С самим Никифоровым каши не сварить, но там есть и другие люди. Что именно от меня требуется?

– Все, что удастся узнать по делу, так как Никифоров не склонен делиться информацией, а действовать официально у меня оснований нет.

– Не поймите неправильно, Алла Гурьевна, но, мне кажется, Негойда справился бы с вашим заданием куда успешнее меня: с его характером и способностью влезать в самые узкие... В общем, почему не хотите его попросить?

Дмитрий Негойда, частный детектив и любовник Аллы, действительно казался первым кандидатом на такое задание, ведь у него полно друзей и знакомых в органах следствия, которые всегда рады ему помочь.

– Понятно, – вздохнул Ахметов, в очередной раз проявив проницательность, – конфликт интересов... Хорошо, Алла Гурьевна, я сделаю, что смогу. А вы, если имеете хоть какое-то влияние на Князева, посоветуйте ему сидеть тише воды, ниже травы и не пытаться что-то выяснять самостоятельно, как он любит, ладно? Потому что если наш доктор закусит удила, боюсь, все усилия вытащить его из этой передраги пропадут впустую!

– Совершенно с вами согласна, – сказала Алла. – Я обязательно поговорю с Моно... с Князевым то есть.

– Алла Гурьевна, давно хотел спросить, почему все называют его Мономахом?

– Я точно не знаю, Дамир, но мне кажется, дело в необычном сочетании имени и фамилии. Он Князев, причем, Владимир Всеволодович – как великий князь Мономах.

– Надо же, не знал... Ну, я тогда пойду, да? Если что-то выясню, звякну.

– Идите, Дамир. И спасибо – я ваша должница!

– Да не за что, Алла Гурьевна, какие могут быть счета!

Алла не зря для столь деликатного дела выбрала именно Дамира: что бы он ни думал о ее отношениях с Мономахом и Негойдой, он точно не станет болтать и обсуждать свои соображения с коллегами. Антон, конечно, человек надежный и вполне лояльный, однако у него слишком доверительные отношения с Негойдой, поэтому очевидно, что выбор Аллы пал не на него, а на рассудительного и добросовестного Ахметова, который по причинам, неизвестным Алле, недолюбливал Дмитрия. Зато теперь она уверена, что судьба Мономаха в надежных руках, а значит, можно полностью сосредоточиться на проблемах Цибулис.

* * *

Дом Ольги Далмановой, пятиэтажное строение на берегу пруда, располагался в Калининском районе. Семья жила на пятом этаже – интересно, как они справляются с инвалидом-колясочником? Неужели таскают вверх-вниз по лестнице, ведь в пассажирский лифт коляска не влезает, а грузового в таких зданиях не предусмотрено. А может, и пассажирского нет?

Действительно, его не было. Поднявшись на пятый этаж, Мономах огляделся: ни на одной из квартир не оказалось номеров. Достав сотовый, он позвонил. Через минуту открылась дверь однокомнатной квартиры напротив лестничной площадки.

– Так это вы – Мономах? – раздался голос откуда-то снизу. Опустив глаза, он увидел девушку в инвалидном кресле. Ее огромные серо-голубые глаза глядели на него с нескрываемым интересом. Мономах тоже разглядывал сестру Ольги: она оказалась вовсе не такой, как он себе представлял. Хотя чего уж там – он никак ее не представлял, пока не увидел, ведь

до этого самого момента она оставалась для него лишь фактом в биографии бывшей сотрудницы... Господи, что он вообще здесь делает?

– Да, это я, – ответил он после паузы, игнорируя то, что столь юная особа, в принципе, не должна использовать кличку, прицепившуюся со студенческих времен, в общении с человеком гораздо старше.

– Извините мою внучку, – раздался надтреснутый голос из коридора. – У нее проблемы с общением – гости к нам редко заходят!

– Да какие гости, ба? – скривилась девушка. – Не помню никаких гостей – вообще!

Бабушка Ольги и Марии, Ольга Сергеевна, с которой Мономах общался по телефону, оказалась высокой, статной женщиной лет семидесяти. Несмотря на возраст, она поражала горделивой осанкой, и даже горе из-за потери старшей внучки не заставило ее прямые плечи согнуться.

Когда все трое прошли (ну, Мария проехала, разумеется) в залитую светом комнату из темного коридора, Мономах получил возможность разглядеть хозяйек квартиры как следует. Маше было навскидку лет восемнадцать-двадцать, и она походила на эльфа: светлые кудряшки волос мило обрамляли треугольное личико, а чуть приподнятые к вискам уголки глаз придавали ее взгляду вечно удивленное выражение. Она сидела, но и в таком положении становилось ясно, что она довольно высокая и очень тоненькая. Мономах сделал вывод, что сестры абсолютно не похожи: Ольга была невысокой брюнеткой.

– А Никитка у соседки, – неизвестно зачем сообщила Мария.

– Я решила, что не стоит ему слушать наш разговор, – пояснила бабушка.

Когда Мономах получил адрес медсестры и позвонил по номеру ее домашнего телефона, он не ожидал, что Ольга Сергеевна сразу пригласит его зайти: оказалось, она отлично знает, кто он такой!

– Оля много рассказывала о вас, – сказала она, словно прочитав его мысли. – Особенно в последнее время.

– И что же она рассказывала? – поинтересовался он.

– Что вы были самым лучшим ее начальником. И что она совершила ошибку, сменив место работы.

– Зарплата у вас маленькая, в этом вся проблема! – встряла Маша. Мономах подумал, что, видимо, у девчонки и впрямь проблемы: она уже взрослая, а ведет себя, как подросток. Наверное, все дело в том, что она из-за своего состояния заперта в четырех стенах, не имея возможности выходить на улицу и встречаться со сверстниками.

– Мария! – нахмурилась бабушка, и девушка широко раскрыла глаза, не понимая, что она такого сказала.

– Все в порядке, – усмехнулся Мономах. – Зарплата у медсестер и вправду несправедливо мала.

– Вот! – победно выпятила подбородок Маша. – А вы ничего, не такой уж и старый! – добавила она, отчего лицо Ольги Сергеевны, и без того длинное, вытянулось еще сильнее.

– Мария! – с нажимом произнесла она. – Лучше поставь чайник, не болтайся под ногами!

Когда Маша, обиженно поджав губы, укатила на кухню, Ольга Сергеевна предложила Мономаху присесть и, понизив голос, сказала:

– Знаете, Владимир Всеволодович, мне иногда кажется, что Никита, которому всего восемь, гораздо старше нашей Машутки! Внешне она выглядит на свой возраст, но... Только вы не подумайте, что она умственно отсталая: в школе она училась на одни пятерки!

– Сколько Маше лет? – спросил Мономах.

– Восемнадцать. Вот, не знаю, что с ней делать! Оля говорит, что ей нужно в техникум поступать, а я считаю, она бы и в институт смогла...

От Мономаха не укрылся тот факт, что бабушка говорит о внучке в настоящем времени. Оно и понятно, ведь она погибла совсем недавно, а к такой мысли привыкнуть непросто.

– Я заметил, что в доме нет лифта, – сказал он. – Как вы справляетесь с коляской?

– Да никак! – развела руками бабушка. – Иногда Оля приводит... приводила, то есть, ребят, и они помогали спустить и поднять коляску, но, вы же понимаете, такая зависимость... У нас жилье муниципальное, я много раз просила предоставить нам такую же квартиру на первом этаже, и ведь была возможность, даже дважды, но каждый раз почему-то нам отказывали!

– Не почему-то, ба, а из-за того, что у нас ремонта нет, – встала Мария, возвращаясь в комнату: похоже, у девушки слух компенсировал отсутствие двигательной активности, как случается у слепых – она, оказывается, отлично слышала их разговор, даже находясь в кухне. – В санузле – просто караул, а люди ведь в комфорте жить хотят!

– И правда, – вздохнула бабушка, – все как-то руки не доходили! У нас ведь только моя пенсия и зарплата Олина... была, то есть, а в доме двое иждивенцев, понимаете? Столько дыр приходится затыкать: вот, холодильник сломался, пришлось купить новый в кредит – как же без холодильника-то? Стиральной машинки у нас не было, Оля купила, самую дешевенькую, но я уже и не понимаю, как мы без нее обходились... Ой, да вам, наверное, не интересно про наши проблемы слушать!

– Я бы хотел вам чем-то помочь, – ответил на это Мономах.

– Да что вы, как тут поможешь! – махнула рукой пожилая женщина. – Спасибо, что хоть зашли проведать нас, ведь вы не обязаны: Оля давно у вас не работает! Я всегда была против того, чтобы она бросала государственную службу и уходила к частникам...

– Ба, но ведь платили ей в два с половиной раза больше, чем в больнице! – резонно возразила Маша. – Кстати, чайник вскипел.

Все трое проследовали на кухню. Ольга Сергеевна достала старенький сервиз – Мономах помнил эти красные чашки в белый горох, которые лет сорок назад были, наверное, в каждом доме, а теперь остались только там, где жили не самые богатые люди, не имеющие возможности приобрести новую посуду. Принимая у хозяйки квартиры свой чай, он почувствовал на себе пристальный взгляд и едва не обжегся: Маша смотрела на него, не отрываясь, как будто бы изучая. Интересно, что у нее на уме? С одной стороны, она ведет себя, как подросток, а с другой...

– Она что-нибудь сказала? – внезапно спросила девушка, и, если бы Мономах уже не водрузил чашку на стол, он непременно бы выплеснул часть ее содержимого при этом неожиданном вопросе.

– Сказала? – переспросил он.

– Бросьте, вы же понимаете, о чем я!

– Мария! – возмутилась Ольга Сергеевна, но Мономах остановил ее, взмахом руки попросив позволить внучке говорить.

– Оля же при вас умерла, так? – продолжала Маша. – Буквально у вас на руках? Она должна была что-то сказать!

«У нее было перерезано горло от уха до уха, поэтому она вряд ли имела возможность членораздельно выразиться!» – хотелось сказать ему, но он сдержался и вместо этого ответил:

– Нет, к сожалению, Оля не произнесла ни слова. А откуда ты знаешь, что я при этом присутствовал?

– Так следак же приходил, – пожал плечами девушка. – Он сказал, что это вы ее обнаружили. По-моему, он считает, что вы ее и убили!

– Маша, что ты несешь! – воскликнула бабушка, беспомощно глядя на Мономаха.

– Я же не говорю, что я сама так думаю – это он, следак... Помнишь, как он пытался заставить тебя признаться, что у Оли были с Мономахом близкие отношения?

– Да вовсе он не...

– Ну ба, я тебя умоляю, не будь занудой: ты же сама сказала, что так подумала, когда за ним только дверь закрылась!

– Но я ничего подобного не говорила! – пробормотала Ольга Сергеевна. – Правда, Владимир Всеволодович!

– Я вам верю, – мягко сказал он. – Фамилия следователя была Никифоров?

– Да, точно!

– Ну, тогда все ясно: он и в самом деле полагает, что я виновен в гибели вашей внучки. Патруль застал меня на месте преступления, мои руки были в ее крови...

– Он очень хочет вас посадить и поскорее закрыть дело, – спокойно констатировала Маша. – Это же так удобно!

На этот раз бабушка промолчала.

– Я впервые услышал Олин голос по телефону вчера, за пару часов до убийства, – пояснил Мономах.

– А Оля часто вас вспоминала, – заметила Ольга Сергеевна. – Особенно в последнее время...

– Неужели? – удивился Мономах.

– Только мы ничего такого Никифорову не сказали, так и знайте! – опередив бабушку, выпалила внучка. – Иначе он бы точно решил, что вы с Ольгой любовники!

– Что-о?! – Мономах едва со стула не свалился.

– Владимир Всеволодович, тут Маша права, – закивала Ольга Сергеевна. – У нас действительно сложилось впечатление, что следователь... ну, что он пытается вынудить нас признать, что у вас с Олей были какие-то особые отношения, а не только рабочие.

– Но это же вранье! – воскликнул Мономах.

– Мы-то в курсе, – усмехнулась Мария, и в этот момент он понял, что она вовсе не маленькая девочка, а вполне себе сформировавшаяся молодая женщина, способная к трезвому анализу событий. – Только это не меняет того, что Никифоров уже составил мнение, как все должно выглядеть, и теперь пытается подогнать факты под свою схему.

– Мы пытались донести до него абсурдность этих предположений, – поддержала внучку Ольга Сергеевна, – однако мне показалось, что наши заверения не имеют для него значения: он уже все решил и займется поиском доказательств!

– Доказательств чего?!

– Вашей с Олей любовной интрижки. Несуществующей, само собой.

– Мы просто хотим предупредить, – добавила Маша, глядя в глаза Мономаху своими прозрачными глазищами. – Чтобы вы не удивлялись, понимаете?

Он не знал, что и думать. Выходит, Никифоров пытается состряпать против него дело об убийстве, причем планирует строить его на том, чего не было и в помине? Мономах, конечно, читал о таком в криминальных романах, горячим поклонником которых являлся с юных лет, но он предполагал, что в реальной жизни все-таки должны присутствовать хоть какие-то доказательства!

– У вас обеих есть мысли, зачем Оля могла мне звонить в день гибели? – спросил он. – Проблема в том, что она ничего толком не сказала, но дала понять, что дело серьезное!

– Честно говоря, я сперва подумала, что она намеревалась поговорить с вами насчет возвращения в больницу, – неуверенно проговорила Ольга Сергеевна. – С другой стороны, по здравом размышлении, я прихожу к выводу, что ради этого не стоило вызывать вас куда-то для встречи, ведь можно было просто прийти в больницу, верно? Или даже по телефону поинтересоваться, есть ли в отделении свободные ставки...

– Оля намекнула на возможность возвращения, – кивнул Мономах, – однако она не для этого назначила встречу. Меня смутило, что она не хотела рассказывать о своей проблеме по телефону. То ли разговор предстоял длинный, то ли...

– То ли она боялась, что кто-то подслушает, – закончила за него Мария.

– Ты что-то знаешь? – спросил он.

– Видите ли, Владимир Всеволодович, – ответила за нее бабушка, – я уже говорила, что в последнее время Оля часто о вас вспоминала с теплотой. Когда она у вас работала, я редко слышала, чтобы она говорила о вас – в основном о других медсестрах или о пациентах. Потом она перешла в медицинский центр – подружка позвала, сказав, что медсестер не хватает, а платят хорошо, не в пример госучреждениям. И хоть я не была уверена в таком выборе – ну не доверяю я частным шарашкам, понимаете? – но внучка казалась счастливой, и я смирилась. Поначалу мы вздохнули с облегчением, ведь наше финансовое положение улучшилось – вот, смогли кое-какую технику приобрести... На ремонт, правда, все никак собирать не могли, ведь начинать следует с самого дорогого – простите, с ванной и туалета, а там... Но в целом стало полегче, это правда. Оля стала обращать внимание на свой внешний вид – слава богу, теперь она могла себе это позволить, ведь раньше все уходило на еду и лекарства, сами понимаете! А в медицинском центре прямо-таки требовали, чтобы работники выглядели презентабельно. В принципе, оно и понятно, ведь пациенты должны видеть, что они платят деньги людям красивым и здоровым, а не замученным жизнью и бытовыми проблемами! У Оли даже появились поклонники...

– Поклонники – прям во множественном числе? – уточнил Мономах.

– Оля красивая была! – надулась Мария, снова нацепив на себя личину малолетки. – Скажете, нет?

Честно говоря, Мономах почти забыл, как выглядела медсестра: для него она теперь навеки останется изувеченным телом, залитым кровью, а в глазах – ужас и неверие в то, что ей пришел конец.

– Мария! – строго произнесла Ольга Сергеевна, качая головой.

– Я не это имел в виду, – сказал Мономах, с трудом отгоняя от себя страшные воспоминания. – Был кто-то... особенный, что ли?

– Я только Леху знала.

– Леху?

– Мария, не Леху, а Алексея, Алешу, – поправила бабушка. – Хороший был молодой человек!

– Был? – переспросил Мономах.

– Нет, вы не подумайте, с ним все в порядке... По крайней мере, я так думаю.

– Леха... Алеша то есть, улетел в Гонконг, – с готовностью доложила Маша. – Он и впрямь был отличный чувак...

– Мария! – нахмурилась Ольга Сергеевна.

– Парень то есть, – тут же поправилась девушка. – Работу имел хорошую, по командировкам ездил... Вот, глядите, что у меня есть!

Маша дотронулась до висящей на груди цепочки, на кончике которой болтался тюбик губной помады. Мономах еще раньше заметил странный аксессуар – он никогда раньше не видел, чтобы помаду носили на шее, как кулон или очки.

– Вы, конечно, думаете, что это помада, да? – широко улыбнулась Маша. – А вот и нет, это – флешка, глядите!

Она взяла тюбик в руки и нажала на колпачок, сняв его. Внутри и в самом деле оказался разъем электронного устройства.

– Он Ольке две таких притаранил из Гонконга, и я выпросила одну, – продолжала Маша. – Он часто туда ездил, а еще в Китай, Сингапур, Куала-Лумпур... – в ее глазах появилось мечтательное выражение. – Он и ее звал, но она отказалась.

– Почему?

– А что, непонятно? Из-за Никитки. И из-за меня, наверное, – как бы бабушка с нами двумя управлялась?

Все умолкли, так как им одновременно пришла в голову одна и та же мысль: теперь ведь придется как-то справляться без Оли, и вовсе не потому, что она уехала искать счастья за границей, а из-за того, что кто-то лишил ее жизни. И это – навсегда!

– Оля была слишком ответственная, – нарушила молчание Ольга Сергеевна, тяжело вздыхая. – Сейчас я думаю, что надо было ее убедить ехать, ведь тогда она была бы жива!

– То есть этот Алексей хотел на ней жениться? – уточнил Мономах.

– Ну да, хотел.

– А почему было Никиту с собой не взять?

– Надо было сначала устроиться на новом месте, – пояснила бабушка. – Ребенку ведь столько всего нужно – школа, кружки, язык выучить, опять же... Так что в любом случае пришлось бы его оставить как минимум на полгода. Но дело не только в этом: Оля ни в какую не желала бросать Машу, она надеялась поставить ее на ноги, деньги копила... Так что она сказала Алеше, что никуда не поедет, а его отправляли по работе, надолго...

– Значит, он сейчас в Гонконге?

– Да. Звонит иногда, спрашивает... ой, я же ему не сообщила о гибели Оли! – вдруг спохватилась Ольга Сергеевна. – Надо бы...

– Ба, я напишу ему на «мыло», – мягко сказала Маша, положив крохотную ладошку на морщинистую руку бабушки. – Прямо сегодня, ты не переживай!

– Вряд ли Оля хотела обсудить со мной своих ухажеров, – покачал головой Мономах после недолгой паузы. – Обычно о таком с бывшими работодателями не говорят!

– Мне кажется, дело в ее работе, – сказала Ольга Сергеевна. – Оля стала частенько плохо отзываться о самом центре, понимаете? Она говорила, что им там важны только деньги, а цель вылечить пациента даже не стоит – главное обобрать, высосать досуха, а там хоть трава не расти!

– Прямо так и говорила?

– Ну, может, помягче слегка...

– Она же в онкологии работала, я правильно понимаю?

– Правильно. Медицинский центр многофункциональный, но там довольно крупное онкологическое отделение.

– Это большая редкость, – заметил Мономах. – Обычно частные медицинские центры не имеют собственных онкологов, а пользуются услугами приглашенных! В лучшем случае там можно получить консультацию специалиста, но непосредственно лечением все равно занимаются государственные медучреждения.

– А в Олином медцентре, как я уже сказала, дело обстоит иначе: у них даже есть собственный стационар, где проводятся операции, а также лучевая и химиотерапия. Туда очередь стоит, несмотря на высокие цены, особенно к врачу, с которым Оля работала.

– Ага, – снова встряла Маша, – Инга ее зовут. Фамилия такая сложная, не помню... Крутая врачиха вроде бы.

– И все же Ольга планировала уйти?

– Похоже на то, – вздохнула Ольга Сергеевна. – Как-то раз, незадолго до... случившегося, она пришла в особенно расстроенных чувствах. Ворвалась в квартиру, словно фурия, вещи разбросала, мимо сына просвистела, как пуля... Все, говорит, пора с этим кончать!

– С чем – с этим?

– Я так и не поняла. Оля потом успокоилась, сказала мне не забивать голову ерундой – как говорится, меньше знаешь, крепче спишь...

– А до этого она с парнем каким-то разговаривала, – встряла Маша.

– С каким еще парнем? – удивилась Ольга Сергеевна.

– Не знаю, – пожала плечами девушка, – только я видела, что они долго у подъезда стояли – я из окна наблюдала. Эх, жаль, не слышала, о чем они болтали! Видать, парень тот здорово ее разозлил.

– Тоже поклонник? – предположил Мономах.

– Он-то? Да вряд ли!

– Почему?

– Так он молодой совсем, лет на десять, а то и пятнадцать Ольки моложе!

– Ты смогла разглядеть?

– У меня стопроцентное зрение! А потом, мне было жуть как интересно, кто это сестру довел до белого каления: они руками размахивали, только что не дрались...

Они допили чай в полном молчании. Через некоторое время Ольга Сергеевна голосом, не допускающим возражений, отослала Машу в спальню. Та нехотя подчинилась, все время оглядываясь через плечо на Мономаха, словно в надежде, что он позволит ей остаться. Он не сделал такой попытки.

– Ольга Сергеевна, как давно Мария в таком состоянии? – поинтересовался он, убедившись, что из коридора больше не доносится скрип колес инвалидного кресла. – Помнится, когда Оля работала у меня, она не упоминала об инвалидности сестры, только после ее ухода до меня дошли слухи об аварии.

– Верно, Владимир Всеволодович, – кивнула пожилая женщина. – Маша попала в ДТП через пару месяцев после Олиного увольнения. Она ездила к подружке на дачу. Туда ее отвезли родители девочки, а обратно пришлось добираться на автобусе. Он не доходил прямо до города, приходилось делать пересадку, а до маршрутки еще идти пешком... Я предупреждала Машу, чтоб не задерживалась, ведь в темноте, да еще и одной, страшно и опасно! Честно говоря, я рассчитывала, что ее хотя бы до маршрутки доставят, но что-то у них там не срослось, вот Маша и отправилась в одиночестве.

– Ее сбила машина?

– У водителя, как позже выяснилось, случился сердечный приступ за рулем. К тому же было темно – он и так мог ее не заметить...

– Получается, не он оказал первую помощь?

– Что вы, он прямо там и скончался! К счастью, мимо проезжала грузовая фура, и два парня помогли и мужчину того из машины вытащить, и «Скорую» вызвали.

– Маше потребовалась операция, я правильно понимаю?

– И не одна!

– Их сделали в медицинском центре?

– Первую – во Всеволожской больнице. Сами знаете, какой там уровень... По крайней мере, жизнь они ей спасли – и то спасибо! Только вот потом выяснилось, что нужно было все делать не так, а время-то упущено...

– Это кто сказал?

– Хирург из центра, куда устроилась Оля. Спасибо ему и ее начальству – для сотрудников существуют скидки. Маше провели целый ряд операций, но гарантий никаких не давали. Мы надеялись, что удастся поставить ее на ноги, но напрасно! Хорошо еще, сильные обезболивающие удавалось в центре доставать, ведь это такая проблема! Что теперь делать будем, ума не приложу...

– У Маши боли?

– Да еще какие – она криком кричит иногда!

– Получается, ноги она чувствует?

– Даже и не знаю, что сказать – болит все, от ступней до позвоночника!

– Могу я увидеть ее снимки? Все, что есть – рентген до и после операции, КТ, МРТ?

– У меня есть только то, что Оля из Всеволожска забрала. То, что в медицинском центре делали, у них и осталось.

– Ну, хоть это давайте.

Когда Ольга Сергеевна принесла два рентгеновских снимка и больничную выписку, Мономах какое-то время изучал их, а женщина сидела рядом, почти не дыша, словно боясь нарушить священное таинство. Наконец, он поднял на нее глаза.

– Жаль, что больше ничего нет, но это можно исправить: вы имеете право затребовать все данные в медицинском центре. Сделайте это. Если не выйдет, я сам им позвоню.

– Вы... вы думаете, Маше можно помочь? – недоверчиво, но в то же время с надеждой спросила Ольга Сергеевна.

– Трудно сказать, не видя результатов всех хирургических вмешательств, – уклончиво ответил Мономах. – Но иногда наличие болевого синдрома – это плюс, а не минус. Я не говорю, что Маша снова будет ходить – такого прогноза вам никто не даст, но, даже если и нет, мы, по меньшей мере, избавим ее от постоянной боли.

– Ох, Владимир Всеволодович, если бы только получилось, а? Это... это было бы просто прекрасно!

– Почему Оля не пришла ко мне с этой проблемой? Она же знала, чем мы занимаемся!

– Думаю, побоялась.

– Чего?

– Того, что вы... ну, что вы на нее в обиде.

– За что?

– За то, что выбрала деньги, ушла в другое место, хотя вы к ней хорошо относились...

– Какая ерунда – это-то тут при чем?! Речь же о чисто медицинском вопросе!

– Я говорила Оле, но она посчитала, что в ее медицинском центре врачи справятся не хуже... Правда, пришлось заплатить, но ведь дали большую скидку – почти семьдесят процентов!

– А мы бы сделали все то же самое бесплатно... Да ладно, чего сейчас-то говорить, – оборвал он сам себя. – Добудьте все материалы по лечению Маши, ладно? Потом мы ее обследуем, прикинем, чем помочь.

Он поднялся, собравшись уходить.

– Владимир Всеволодович, – уже на пороге тихо проговорила Ольга Сергеевна, – вы не знаете, когда нам Олю выдадут? Ну, тело, то есть...

– Речь ведь об убийстве, понимаете? – покачал головой Мономах. – Нужно время, чтобы все исследовать... Но это ненадолго, ведь известно, как именно погибла Оля, поэтому, думаю, через несколько дней.

– Спасибо вам!

– За что?

– За Машку нашу... да и за то хотя бы, что вам не все равно! Одна я теперь осталась, считай, с двумя детьми, ведь от Маши толку – с гулькин нос. Что делать станем, как выживать – ума не приложу!

– А с работы Олиной с вами связывались?

– Начальница ее звонила, выразила соболезнования и обещала материальную помощь. Сказала, что похороны организует медицинский центр – спасибо ей большое, ведь это так дорого... Господи, что я несу?!

– Все в порядке, Ольга Сергеевна, похороны и в самом деле влетают в копеечку. Вам сейчас очень тяжело, но будет легче, правда... Время должно пройти.

Выйдя на улицу, он глубоко вдохнул пропитанный весенним дождем воздух. Свежая завязь зелени на деревьях, отражающаяся в прозрачной с виду воде пруда, радовала глаз, но на душе у Мономаха кошки скребли: визит к родне убитой медсестры оставил после себя тяже-

лое впечатление. Действительно, что им теперь делать без основной кормилицы – бабушке, инвалиду и ребенку? Жить придется на две пенсии и детское пособие, а они ведь мизерные! Неужели Маше придется сидеть в четырех стенах постоянно, без надежды выйти на улицу, прогуляться, подышать воздухом? Как вообще решают такие вопросы, Мономаху было невдомек, но он предполагал, что для этого нужно пройти не семь, а все десять кругов ада... Да и его собственное положение незавидное: что, если Никифоров и впрямь решит закатать его на нары по одному только подозрению?

Тяжело вздохнув, Мономах поднял воротник куртки и двинулся к машине: несмотря на то, что весна неумолимо наступала, температура воздуха к вечеру сильно падала, и стоять на ветру было не так приятно, как сидеть в уютном и теплом салоне.

* * *

Алла собиралась на работу. Раньше, десять месяцев и шестнадцать килограммов тому назад, этот процесс занимал у нее каких-нибудь пять минут: натянуть первую попавшуюся блузу траурного цвета и черные (неприменно черные!) брюки, провести по губам помадой телесного (обязательно) оттенка и, кинув беглый взгляд в зеркало, стараясь не задерживать его на выпирающих, словно пышное дрожжевое тесто из кастрюли, частях тела, выскочить за дверь. Тогда зеркало было ее злейшим врагом: оно, как «свет мой, зеркальце» из известной сказки, всегда говорило нелицеприятную правду. Нет, Алла никогда не переставала за собой ухаживать: регулярно делала модную стрижку, маникюр и педикюр, однако мимо магазинов одежды пробегала рысью, не глядя – зачем расстраиваться, пыхтеть и обливаться потом, натягивая на себя ту или иную обновку, если и так понятно, что она будет сидеть на ней, как баба-грелка на заварочном чайнике? Но теперь дела обстоят иначе, и Алла проводит за утренним туалетом по полчаса, наводя красоту. И пусть для этого приходится вставать раньше (все на те же пресловутые тридцать минут), она и не думала жаловаться, ведь с каждым днем зеркало становится все добрее!

– Да хорошо, хорошо, и уже давно! – со смехом проговорил Негойда, с интересом наблюдающий за ее приготовлениями. – Ты что, на праздник собираешься?

– Работа для меня – всегда праздник, – пробормотала Алла, нанося на губы остатки персикового блеска и делая в уме пометку купить новый тюбик по пути домой.

– Кстати, о работе: есть какое-нибудь новое дело?

– Да ничего интересного – так, преследование одной докторши.

– Преследование? – удивился Дмитрий. – А твой отдел-то тут что забыл?

– Просьба Деда, – поморщилась она. – Ты же понимаешь!

– Понимаю, понимаю... Зато у меня, представь себе, кое-что есть!

– Да ну? Очередная жена-изменщица или муж-гуляка?

– Ну, как водится... Только в этот раз рыба крупная, какая-то «шишка» из Комитета по здравоохранению. И я получил хороший задаток!

– Что, жена погуливает?

На самом деле, Алле не было интересно: дела Негойды, как правило, не отличались одно от другого, и все, что требовалось сделать, это поснимать любовников и предоставить материал заказчику. Разнились лишь цены, и она просто порадовалась, что сыщику наконец удастся подзаработать. До знакомства с Дмитрием Алла и понятия не имела о финансовой стороне вопроса: ее знания о частных сыщиках ограничивались информацией, почерпнутой из детективов Рекса Стаута и Джеймса Чейза. По работе ей иногда случалось сталкиваться с представителями данной профессии, однако она ничего не знала о ее изнанке, которая, как выяснилось, довольно неприглядна.

Работаешь долгие часы, платишь за каждый шаг – швейцарам и администраторам в гостиницах, официантам в кафе и ресторанах, водителям такси, – а «выхлоп» порой едва-едва окупает затраты. Кроме того, оказывается, нередко приходится буквально «выбивать» деньги из клиентов, которые по тем или иным причинам отказываются платить за услуги. Наконец-то Дмитрию подвернулся денежный клиент!

– Не жена, а муж, – ответил на ее вопрос Негойда.

– А кто «шишка» – то?

– Муж, а жена хочет его разоблачить.

– С целью?

– Думаю, надеется его шантажировать. Он вроде бы собирается идти на повышение, и ему пятно на «моральном облике» ни к чему...

– Так ты помогаешь шантажистке, значит?

– А как еще женщина может получить от мужа то, что ей причитается? У них, между прочим, дети!

– Алименты что, отменили?

– Ой, Ал, ты же в курсе, что по всей нашей необъятной матушке-России полно папаш-неплательщиков!

– Ну да, только недавно статистику смотрела: больше ста пятидесяти миллиардов задолженность по алиментам, только это не повод...

– Так она же мне прямо не сказала, что намерена делать – это я уже сам додумал. Ну, что она будет делать с этими доказательствами – бросит их на стол перед муженьком и надует губы? А вдруг он скажет, что хочет развода и собирается жениться на любовнице? И тогда все опять же кончится мизерными алиментами, которые он все равно не станет платить!

– Ладно, – вздохнула Алла, – я тебе не судья, ты – человек взрослый и сам знаешь, как правильно поступить! Как считаешь, этот пиджак меня не слишком обтягивает?

– Он очень даже мило тебя обтягивает, – промурлыкал Дмитрий, радуясь смене темы: он не любил спорить даже по незначительным поводам. Иногда Аллу это даже злило: создавалось впечатление, что он не считает ее равноценным партнером, способным к адекватной аргументации, и просто-напросто гасит любую ее попытку выразить свою точку зрения. – Я думаю, что не отпущу тебя сегодня на работу: давай прогуляем? Ты же начальник, можешь позволить себе не явиться или как минимум прийти на пару часов позднее!

Он уже сделал движение в ее сторону, но Алла отпрыгнула с резвостью, делающей честь ее диетологу и тренеру в альпинистском клубе: еще полгода назад она и мечтать о таком не могла.

– Я, конечно, начальник, но не собираюсь злоупотреблять своим положением, пока мои коллеги падут как проклятые! – со смехом сказала Алла, поправляя волосы в последний раз, стоя в дверях и глядя на разочарованное лицо любовника. – Увидимся вечером!

– А вот это я даже не знаю! – пробурчал он.

– Другие планы?

– Работа, я же тебе все рассказал!

– Ночные бдения в машине перед какой-нибудь гостиницей?

– Этот мужик – отличный конспиратор: я уже три дня за ним катаюсь, но пока так и не сумел подловить! Вот если бы «пробить» его звонки...

– Даже и не думай, это – уголовное преступление! Все, я побежала!

Пройдя под аркой и выйдя на улицу Марата, Алла услышала настойчивый звук клаксона. Оглядевшись в поисках того, кто мог сигналить, она сразу же заметила машину Дамира Ахметова.

– Что-то случилось? – встревоженно спросила она, приземляясь на соседнее сиденье в салоне его темно-синей «Мазды».

– Не то чтобы, просто хотел поговорить до того, как мы окажемся в Комитете, ведь вы не хотели, чтобы кто-то знал о вашем, гм... частном поручении?

– Да-да, конечно, – торопливо согласилась она. – Вы уже успели что-то выяснить?

– Главное, Алла Гурьевна, знать, с какого конца взяться за дело! – криво ухмыльнулся опер, сворачивая на Невский проспект.

– Итак, что вы узнали? – спросила она, когда они органично влились в плотный поток машин на главной магистрали Питера.

– Предупреждаю, вам это вряд ли понравится!

– Даже так?

– Насколько хорошо вы знаете Князева?

– Достаточно, чтобы выслушать о нем все, что вы имеете мне рассказать.

– Что ж, тогда... В общем, Никифоров всерьез за него взялся и, судя по всему, скоро возьмет под стражу.

– На каком основании?

– Он считает, что погибшая Ольга Далманова была любовницей Князева.

– И что из того?

– Вы не удивлены, я вижу!

– Послушайте, Дамир, что тут такого? Я не знаю, правда это или нет, но разве Князев стал бы первым врачом, заведшим шашни с медсестрой? Даже если это и так, какие у него причины душегубствовать? Князев – свободный мужчина, без обязательств, так зачем ему убивать Далманову?

– Я еще не все рассказал, вы дослушайте! Никифоров отыскал двух девиц, утверждающих, что Князев домогался их и преследовал в сексуальном плане...

– Мономах – преследовал?! – перебила Алла, едва сдерживаясь, чтобы не расхохотаться.

– А что такого?

– Ну, Дамир, вы же его видели, так? Неужели Князев производит впечатление человека, которому нужно преследовать женщину?

– То, что он нравится вам, вовсе не означает, что все от него без ума, – резонно ответил на это Ахметов. – Согласен, он – мужик видный, да еще и при должности, и репутация у него... Но ведь нельзя исключать того, что и ему не всегда «обламывается», да? Одной из девиц даже пришлось уволиться из-за его приставаний!

– Все бывает, но я не могу поверить, что Князев волочится за юбками своих сестричек, а потом еще и мстит им каким-то образом! По-моему, Никифоров просто избрал одну-единственную версию, под которую и пытается подогнать имеющиеся факты. Только вот это «прокрустово ложе» не позволит ему сунуться дальше собственного носа!

– Алла Гурьевна, я на вашей стороне, помните? – поднял руки в защитном жесте Дамир и тут же опустил их обратно на рулевое колесо. – Просто я хочу, чтобы вы поняли: вы влезаете в очень неприятное дело! Я тоже не верю, что Князев – сексуальный маньяк, а уж тем более что он – убийца, но, сами знаете, если Никифоров вытащит на свет божий историю о «преследованиях», то доказать обратное будет очень непросто! Помните печальную судьбу Харви Вайнштейна? Его едва не уpekли на пожизненное только лишь из-за одних подозрений, а его слово не значило абсолютно ничего в сонме женских голосов, вопящих о сексуальных домогательствах!

– А вот мне Вайнштейна не жалко, – покачала головой Алла. – Зачем он признался? Продолжал бы твердить о собственной невинности, нашлись бы защитники – и не только среди мужчин, – и еще неизвестно, чьи голоса пересилили бы общественное мнение!

– Вы намекаете на то, что он и в самом деле виновен?

– Признание – царица доказательств, помните? Я, разумеется, не говорю о временах инквизиции: в «испанском башмаке» или на дыбе любой признается, что колдовал, насылал порчу и уничтожал посевы на полях!

– В сталинские времена существовали и другие методы, не связанные с насилием, – напомнил Дамир. – Пытка сорокачасовыми допросами, лишение сна...

– Ну да, вспомните еще про американскую базу Гуантанамо, только вот Вайнштейна никто не пытал: судя по всему, он боялся, что существуют доказательства его деяний, а не только слова взбалмошных дамочек, потому и признал вину. Другое дело – чего это они все заговорили сейчас, находясь на вершине славы, куда им, судя по всему, помог вскарабкаться именно Харви Вайнштейн? Не нравится – не ешь, как говорится: отказались бы с ним спать, и делу конец!

– Ну да, и карьере в кино – тоже, – хмыкнул Ахметов.

– Знаете, словами Юрия Левитанского – «каждый выбирает по себе», и не только «женщину, религию, дорогу», но и карьеру, репутацию и так далее. Расстановка приоритетов – это то, чем приходится заниматься на каждом шагу, так что нечего на зеркало пенять, коли рожа крива!

– Спорить с вами, Алла Гурьевна, это все равно что пикироваться с Большой Советской Энциклопедией! – рассмеялся Дамир, сдаваясь. – Но я все равно прошу вас хорошенько подумать, надо ли вам оно: может ведь оказаться, что и Князев не так чист, как его белый халат, понимаете? Вы знаете только одну его сторону, но человек многогранен, в особенности такой сложный человек, как Мономах!

Алла внимательно посмотрела на коллегу: неожиданно она ощутила в нем глубину, которой раньше не замечала! А что, если и у Мономаха имеется двойное дно, личная «Марианская впадина», в которую он никого не впускает? Однако она тут же отогнала от себя эту мысль: если никому в этой жизни не верить, и жить-то незачем!

– Если вам безразлична его судьба, – неожиданно снова заговорил Дамир, – найдите ему хорошего адвоката, пока не поздно!

* * *

Несмотря на то, что Мономах спал с и. о. главного врача больницы Анной Нелидовой и подозревал, что об их отношениях в этой самой больнице знают даже тараканы (которых периодически выводили, а они вновь появлялись с подкреплением), каждый раз, приближаясь к двери в ее кабинете, он ощущал мандраж. Может, дело в том, что еще некоторое время назад кабинет этот принадлежал его заклятому врагу Муратову? Или в том, что Анна, зная, как ему не нравятся разговоры за спиной, старалась свести к минимуму их общение в стенах вверенного ей учреждения, а потому почти не вызывала его к себе – только в крайних случаях. А *крайние* случаи, как известно, редко бывают приятными.

– Привет! – поздоровалась Нелидова, и от ее нежного тона у него мурашки побежали по спине: не иначе, новости плохие.

– Ты присаживайся, Володя, в ногах правды нет, – добавила она, видя, что он мнетя у стола. – Я хотела, чтобы ты услышал это известие от меня, а не от кого-то вроде Тактарова.

– Та-ак... о чем речь? – спросил он, чувствуя, как пересохло в горле. На самом деле каким-то шестым чувством он уже почуял, о чем будет разговор, но его мозг отказывался в это верить.

– Не буду ходить вокруг да около, – вздохнула Нелидова. – В общем, так: с Муратова сняты все обвинения!

Мономах молчал, поэтому она добавила:

– Понимаю, для тебя это большой удар, как и для всех тех, кто надеялся на справедливое возмездие...

– Как такое возможно? – перебил он, устремив на нее непонимающий взгляд. – Он же вор!

– Видимо, это считается не таким уж важным проступком.

– Проступком?! Почему ты не вмешалась, ты же видела документы, разговаривала с людьми, с нашими спонсорами, которые давали деньги, а он их по карманам распихивал!

– Володя, у тебя обо мне сложилось превратное впечатление, – криво усмехнулась Анна, откидываясь на спинку стула. – Ты отчего-то решил, что я посвящена во все тайны и хитро-сплетения этого мира, включая масонскую ложу и Бильдербергский клуб²...

– Какой клуб? – переспросил Мономах.

– Неважно, – отмахнулась Анна. – Я только хочу, чтобы ты понимал: решение принималось на самом верху, я в этом не участвовала. Мне дали понять, что я должна быть благодарна за то, что узнала о принятом решении раньше Муратова!

– Просто блеск... И что теперь? Ты уходишь, меня увольняют, и все становится, как раньше?

– Ну, я никуда не уйду, можешь быть уверен. Даже наоборот: меня официально назначили главным врачом больницы, так что ничего не будет, как при Муратове. И ты, разумеется, остаешься.

– А что с ним?

– Думаю, в государственные структуры Муратову путь заказан. Как я уже сказала, меня в известность никто не ставил, однако создается впечатление, что ему решили подыскать должность в частном секторе.

– Вот кому-то «повезет»... Можешь объяснить, почему принято такое решение? Ну, отпустить Муратова и сделать вид, будто ничего не было?

– Могу лишь предположить.

– Давай!

– Мне кажется, все гораздо глубже, чем мы думали.

– В смысле?

– Возможно, деятельность Муратова была на руку кому-то еще – повыше его.

– То есть его кто-то покрывал?

– Всех руководящих работников кто-то покрывает, Володя, ты же не мальчик и должен это понимать!

– И тебя?

– И меня.

– Кайсаров?

Она промолчала.

– Кстати, а почему Кайсаров не использовал свое влияние? Он же спал и видел, как бы спихнуть Муратова. Не знаю, что у них там за «терки», но мне казалось, это что-то личное!

– Между прочим, очень хорошо, что ты не стал шпионить для него за Муратовым. Сейчас у Кайсарова проблемы, а Муратов, как видишь, вышел сухим из воды. Ну, а ты, как обычно, на коне и весь в белом!

– То есть теперь Кайсаров может слететь с высокого кресла в Комитете?

– Надеюсь, этого не случится. Знаешь, есть такие существа, которые выживут даже после ядерной войны?

² Бильдербергский клуб, или Бильдербергская группа – неофициальная ежегодная конференция, состоящая из чуть более ста участников, являющихся самыми богатыми и влиятельными людьми мира. Странники теорий заговора полагают, что именно эти люди являются тайным мировым правительством.

– Да, тараканы.

– Тараканы – и Кайсаров.

– Всегда хотел спросить кое-что, можно?

– Я даже знаю, что именно. Хочешь знать, спала ли я с Кайсаровым?

Он кивнул.

– Было дело. Давно. Все закончилось много лет назад, но мы остались друзьями. У тебя так бывало?

– Только с бывшей женой.

– Ну вот и у нас с Кайсаровым как-то так, хоть мы и не состояли в браке. Он по-прежнему предупреждает меня об опасности и делится информацией, если считает нужным.

– А ты?

– Что – я?

– Ты тоже с ним делишься?

– О нас с тобой? Нет, ему это знать не обязательно. Но если узнает, не его это дело, так что не волнуйся!

– Да я и не волнуюсь, – пожал плечами Мономах. – Просто мне было интересно...

– Не сплю ли я с вами обоими одновременно? – перебила она. – Ты что, шлюхой меня считаешь?

– Не угадала.

– А что тогда?

– Не было ли это заданием Кайсарова, вот что!

– То есть я, типа, Мата Хари? Да кому ты нужен, Мономах, чтоб тебя намеренно соблазнить?!

– Надеюсь, никому.

– Вот именно.

Мономах посмотрел на нее внимательно, пытаясь уловить следы гнева или обиды на ее всегда спокойном и бесстрастном лице, но, как обычно, ничего такого не заметил.

– Я пойду? – спросил Мономах, поднимаясь.

– Иди.

Больше Анна ничего не сказала, и он, выходя, спрашивал себя, действительно ли она такая толстокожая, или ему все-таки удалось ее задеть. С другой стороны, что он должен думать в подобных обстоятельствах? Пусть обижается, если хочет: в последнее время их отношения стали его тяготить, поэтому будет даже лучше, если Нелидова решит их прервать. Мономах отлично понимал, что это проявление трусости с его стороны. Будь он мужиком, сам предложил бы распрощаться и, по возможности, остаться друзьями, но что-то подсказывало ему, что с Анной так не получится. Боялся ли он мести с ее стороны? Возможно. А может, просто устал от отношений, которые никуда не ведут. Для него наступило время задуматься о том, с кем он хочет встретить старость, и Анна Нелидова не была тем самым человеком. Может, нужной ему женщины и вовсе не существует, иначе как объяснить тот факт, что он до сих пор ее не нашел? В его копилке один брак, закончившийся полным фиаско много лет назад, множество ни к чему не обязывающих отношений, но – ничего долгосрочного и многообещающего. Он не строил планов, не пытался представить рядом с собой женщину, которая останется надолго или даже навсегда... Вдруг ему на роду написано быть одному? Если его посадят за убийство медсестры, вопрос отпадет сам собой!

* * *

Алла встретила с Мариной Бондаренко в «их» кафе, где у них была привычка обедать каждую неделю, и они старались не пропускать встреч, какой бы уважительной ни была при-

чина. Адвокатесса вплыла в небольшое помещение, благоухая своими любимыми французскими духами «Елисейские Поля». Алла предпочитала продукцию «Живанши», но этот аромат от Герлена ей очень нравился – главным образом потому, что всегда напоминал о подруге. Как обычно, одета Марина была сногшибательно: несмотря на изрядную полноту, эта женщина умудрялась вызывать восхищение у большинства окружающих. Она была яркой, как тропический цветок, внезапно расцветший на сельском лугу, и экстравагантной, но в меру. Алла отлично сознавала, что не может себе позволить одеваться подобным образом, так как будет выглядеть смешно. А Марина умудрялась выглядеть шикарно – в многослойном балахонистом одеянии пастельных тонов, с газовым шарфом, элегантно повязанным вокруг шеи, увешанная золотом, словно новогодняя елка. Украшения сверкали в ее ушах, на пальцах и даже на объемистых запястьях – причем вся эта роскошь, показавшаяся бы на любой другой даме ее возраста излишней и кричащей, смотрелась на Марине естественно, словно она в ней родилась.

– Ты все тоньше и тоньше! – с неодобрением произнесла она, клюнув Аллу в щеку и осмотрев ее с головы до ног. – Того и гляди, я потеряю подругу!

– Ох, если бы! – рассмеялась Алла. – Килограммы уходят так медленно, что мне иногда хочется все бросить и вернуться к поеданию пончиков!

– И правильно хочется: с пончиками мы гораздо счастливее, чем без них... Вовчик! – подозвала она официанта. Он знал этих клиенток в лицо, поэтому даже и не подумал предложить им меню.

– Вам как обычно? – доброжелательно поинтересовался он.

– Да, дружок... две корзиночки... и еще два эклера, ваших фирменных, и, пожалуй... Мороженое шоколадное есть?

– А как же!

– Три шарика с орехами и кленовым сиропом!

– А вам еще что-нибудь принести? – вежливо поинтересовался паренек у Аллы, тоскливо помешивающей ложечкой содержимое своей чашки.

– Нет, благодарю, – попыталась лучезарно улыбнуться она, но, глянув в зеркало, убедилась, что попытка выглядит жалко: одна мысль о пирожных, которые будет с аппетитом уплетать Марина, делала ее несчастной. Диетолог Добрая (кстати, совсем она не добрая, а настоящий Гитлер в юбке!) уверяла Аллу, что наступит момент, когда ее нынешняя диета с отказом от мучного и сладкого в пользу зелени и нежирного мяса и рыбы станет образом жизни, и она перестанет ощущать нехватку вредной пищи... Ха – ничего подобного! Алле порой снились пирожные с кремом, ее любимая «картошка», щедро присыпанная какао-порошком, фруктовый торт, сдобренный сиропом и проложенный вишневым повидлом посередине, и «Прага» с завитушками горького шоколада и взбитого кофейного крема. Ну что ей с этим делать? Алла нашла единственный выход – пробежать мимо прилавков с тортами и пирожными, словно за ней гонится стадо бизонов, которое преследуют одновременно индейцы и ковбои. Однако Марина, словно нарочно, требует, чтобы они продолжали встречаться именно в этой кондитерской, отказываясь от предложений подруги сменить место на заведение с менее калорийным меню.

– Это ты худеешь, – говорит она, качая головой. – А я считаю, что у меня всего столько, сколько надо, и именно там, где нужно, поэтому не собираюсь лопать всякие там корешки, как зайчик, и не пытайся меня заставить!

Пока официант собирал заказ, Алла поведала подруге, зачем попросила о внеочередной встрече.

– Ты уверена, что он невиновен? – спросила адвокатесса, молча выслушав рассказ Аллы об убийстве медсестры.

– Как в себе самой!

– И ты говоришь так не потому, что влюблена в этого доктора, как сиамская кошка, а потому...

– Потому что я знаю его достаточно, чтобы понять: он не способен на такое жестокое убийство!

– То есть просто на убийство он способен, я правильно понимаю?

– Кончай издеваться! – надулась Алла, понимая, что подруга специально ее подначивает, чтобы узнать побольше об их с Мономахом отношениях. Однако она не попадет на эту удочку – ни за что!

– Ладно-ладно, больше не буду, – усмехнулась адвокатесса. – Никифорова я знаю: он мужик препротивный, и общаться с ним, скажу я тебе, удовольствие ниже среднего! Среди нашего брата – и сестры – он славится своей узколобостью и заикленностью на одной-единственной версии, в которую вцепляется, как бульдог, не желая слушать никаких доводов.

– Это – наш случай!

– Да любой случай, можешь не сомневаться! Ладно, займусь я твоим Мономахом – если, разумеется, он сам согласится.

– Он согласится, – уверенно сказала Алла.

– Ну, а как вообще дела? – поинтересовалась Марина, сочтя беседу о Мономахе законченной.

– В смысле?

– Ну, в личной жизни, с детективом?

– С Митей? Да все нормально...

– Фи, как прозаично! «Нормально» – и все? Ты говоришь так, словно вы уже тридцать лет женаты!

– А чего ты от меня ждешь? – передернула плечами Алла.

– Ну, я, по меньшей мере, надеялась, что наш частный сыщик поможет тебе избавиться от навязчивой идеи захомутать доктора, – вздохнула адвокатесса. Ее отвлекло появление официанта с подносом. Надкусив сразу два пирожных, Марина посмотрела на несчастное лицо подруги и спросила:

– Ты уверена, что не хочешь присоединиться? Завтра можешь ограничиться сельдереем и водицей!

– Диетолог утверждает, что «срываться» вредно для диеты, – вздохнула Алла, качая головой. – Ты не представляешь, как мне хочется... Но нет, спасибо.

– Ну и сила воли у тебя! – восхитилась адвокатесса и закинула в рот остатки эклера. – А вот с Митькой ты неправильно поступаешь – не узнаю тебя, подруженька!

– Почему это?

– Да потому, что не любишь ты его! Не знаю, он ли виноват – мужики ведь такие сволочи, между нами! Или дело в том, что к моменту вашей встречи ты уже по уши увязла в Мономахе... В любом случае, тебе надо с ним разобраться.

– И как ты это себе представляешь? Мы живем в одной квартире!

– Я-то никак не представляю: ни один мужик у меня никогда не жил, ты же знаешь!

Это была чистая правда: Марина оберегала свое жилище от нашествия «гуннов» в лице представителей противоположного пола, как Цербер охранял ворота в ад. Что занимательно, адвокатесса редко бывала одна: то и дело она встречалась с мужчинами, причем все они сплошь были богатыми или, на худой конец, знаменитыми, однако ей никогда не приходило в голову выйти замуж. Не то чтобы не звали – просто Марина привыкла жить одна, и мысль, что придется делить жилплощадь с кем-то еще, а не быть там полновластной хозяйкой, приводила ее в ужас.

– Допускаю, что вытурить сыщика будет непросто, но ты должна попытаться: скажи ему правду.

– Какую правду-то?

– Что любишь другого человека – чего проще!

- Ну да, проще пареной репы! – хмыкнула Алла.
- А иначе затынет, не дай бог, поженитесь и станете мучиться – оба.
- Я хочу ребенка, – неожиданно для самой себя выпалила Алла.
- Чего ты хочешь? – выпучила глаза Марина.
- Не чего, а кого, – поправила Алла. – Ребенка хочу, понимаешь?
- Хочешь стать матерью-одиночкой? А ты хорошо подумала?
- Даже не представляешь, насколько хорошо!

Марина помолчала, сосредоточенно жуя пирожное.

– Ну, тогда ладно, – сказала она наконец. Алла, ожидавшая уговоров и попыток ее разубедить, очень удивилась.

– И все? – недоверчиво спросила она.

– А что тут скажешь? Биологические часы и все такое... Я-то, ты же знаешь, детей никогда не хотела. То есть, если бы меня все-таки угораздило выйти замуж официально, и они появились бы – наверное, я бы не возражала, но чтобы мечтать завести маленького человека, похожего на меня... Нет, пожалуй, нет! Но ты – не я, верно? Если ты и в самом деле этого хочешь, дерзай: глядишь, станешь отличной мамкой, а твоя дочь будет называть меня «тетей Мариной»!

– Дочь?

– Да брось, у тебя может быть только девка!

Неожиданно Алле стало невероятно легко. Раньше она не решалась поделиться своими мыслями о ребенке ни с одной живой душой, а теперь, поговорив с Мариной, поняла, что зря не сделала этого раньше.

– Ну, а на работе как? – снова перевела разговор на другую тему адвокатесса. – Или ты сейчас только своим Мономахом занимаешься?

– Да нет, кто ж мне позволит! – отмахнулась Алла. – Начальство «скинуло» одно дельце.

– Интересное?

– Я бы так не сказала.

– И кого же грохнули на этот раз?

– На этот раз – никого, но одну женщину кто-то преследует.

– Разве СК занимается такой ерундой? – удивилась Марина.

– Обычно нет, но ты же понимаешь – начальство! Кстати, это не просто женщина, а мед-работник. Онколог, если точно.

– А имя у онколога имеется?

– Инга Цибулис.

– Ого!

– Ты что, знаешь ее?

– Она довольно известна.

Алла встревоженно поглядела на подругу.

– Только не говори, что ты...

– Да нет, не я: секретарь суда, моя давняя приятельница Лена, схлопотала отвратительный диагноз пару лет назад. Сама понимаешь, в онкодиспансере лечиться ей не слишком-то хотелось, ведь там гарантий не дают...

– А что, где-то дают? – перебила Алла. – Онкология, насколько я понимаю, штука непредсказуемая!

– Ну да, – согласилась Марина, – потому и подход тут нужен индивидуальный, а когда идет неиссякаемый поток пациентов, врач не слишком-то и заинтересован в излечении каждого отдельного индивида, понимаешь?

– По-моему, подруга, ты говоришь страшные вещи: как это – врач не заинтересован в излечении?!

– Тебе повезло, что ты, тьфу-тьфу-тьфу, не сталкивалась с такими ситуациями, а вот мне, грешным делом, приходилось. И, скажу я тебе, о врачах у меня впечатление двойственное: с одной стороны, без них никак, с другой – лучше обходить их стороной, если сильно не припекло! К несчастью, секретаря суда шибко припекло, вот она и кинулась искать, где бы голову, так сказать, приклонить, какому врачу довериться.

– И нашла Ингу Цибулис?

– Ну да, типа того.

– Почему – типа?

– Цибулис ее отфутболила.

– А разве так можно? То есть, разве врач может отказать пациенту? Или проблема в цене, ведь Цибулис работает в частном секторе?

– Да нет, денег хватало, но, видишь ли, оказалось, что Цибулис в центре на привилегированном положении: она сама выбирает себе пациентов. Кажется, это связано с ее специализацией.

– Что, какая-то особенная?

– Ну, на мой непросвещенный взгляд, нет, – пожала плечами Марина. – Она занимается раком груди, но больные почему-то проходят строгий отбор. Берет Цибулис только тех, кого считает подходящими пациентами, и Лена ей не подошла.

– И как она это объяснила?

– Особыми методами лечения. Вроде бы Цибулис использует какие-то инновации, не всегда одобряемые официальной медициной.

– Травами, что ли, лечит?

– Она не раскрывает своих секретов, но пациенты довольны, а это в частной медицине главное, верно? У Цибулис очень высокий процент излечения, поэтому все так стремятся попасть именно к ней, но она, как оказалось, весьма разборчива!

– Да уж! А как же твоя приятельница?

– Обратилась в онкодиспансер по месту жительства и, слава богу, жива-здорава.

– То есть у нее ремиссия?

– Ну да. Операция, химия – все, как обычно. Чувствует себя хорошо, говорит, что стала больше ценить жизнь!

Взгляд Аллы задумчиво блуждал по залу, пока не наткнулся на парочку за угловым столиком. По виду студенты, парень и девушка сидели, наклонив головы друг к другу. На столе перед ними стояли две чашки кофе, а на тарелках лежали остатки эклера и «картошки». То и дело хихикая, они вилками отламывали кусочки пирожных друг у друга – судя по всему, не могли позволить себе взять по два, поэтому делились друг с другом, чтобы попробовать разные. Алла вспомнила себя в этом возрасте. В девяностые, когда каждый перебивался, как мог, у родителей не было возможности давать ей карманные деньги, и, начиная со второго курса, Алле приходилось подрабатывать в суде секретарем. Платили копейки, но жаловаться грех – она многому там научилась. Зарплату тратила на книги, походы в кино и – обязательно раз в неделю на посещение кафе. Она едва наскребала на одно-единственное пирожное и чашку кофе или чая... Сейчас того кафе уже нет, а Алла, если бы хотела, каждый день могла бы заказывать по тарту, только вот теперь ей это совершенно не нужно. Удивительно, как мало человеку необходимо в юности, и каким требовательным он становится с годами! И эта требовательность, очевидно, лишает его способности быть счастливым.

– Ты будешь эту «корзиночку»? – спросила Алла, отрываясь от созерцания парочки и плотоядно разглядывая воздушное пирожное с бело-розовым сливочным кремом и увенчанное вишенкой в окружении долек абрикоса.

– Вот это другой разговор, подруга! – обрадовалась Марина. – Вовчик, поди-ка сюда!

* * *

Сидя на бревне, Мономах не отрываясь глядел на свинцово-серую гладь воды. Где-то раздавался радостный лай Жука, громадного ирландского волкодава. Когда-то привезенный маленьким щенком, пес стал постоянным спутником и лучшим другом отца. Сейчас, видимо, пес заприметил белку, загнал ее на дерево и теперь скачет вокруг, жалея, что не умеет летать или хотя бы лазать так же здорово, как этот маленький пушистый зверек.

Мономах любил это озеро, со всех сторон окруженное деревьями, уже покрывающимися зеленым налетом, который вскоре, при условии теплой погоды, превратится в яркую, свежую весеннюю листву. Собственно, это озеро и стало причиной, по которой Мономах выбрал тут участок для дома. Артем тогда находился на сборах и предоставил отцу решать, где лучше выстроить загородное жилище, и с тех пор ни тот, ни другой ни разу не пожалели о таком выборе.

В голове Мономаха лениво плавали невеселые мысли, наполняя одна на другую, словно облака, заслоняя друг друга и не позволяя сосредоточиться на чем-то одном. Он думал о Муратове, который избежал справедливого наказания и теперь, скорее всего, неплохо устроится в какой-нибудь частной клинике на руководящей должности – похоже, у него сильные покровители. Такие, которые способны заткнуть за пояс даже такого человека, как Кайсаров!

Мономах думал о несчастной погибшей медсестре. Не столько, правда, о ней самой, сколько о тех, кого она оставила – бабушке, сыне и сестре-инвалиде. Как они без нее, без ее заработка и заботы?

А еще он не мог не думать о себе – о том, насколько сильно следователь Никифоров желает засадить его за решетку. Здравый смысл твердил, что этого не случится, ведь он, Мономах, не причастен к убийству, однако тревожный червячок сомнения не давал успокоиться: а вдруг все же?..

– Владимир Всеволодович, вот вы где!

Он едва не свалился с бревна – настолько не ожидал услышать этот голос в данный момент: перед ним, улыбаясь, стояла Суркова. Ее левая рука покоилась на холке Жука, сжимавшего в пасти длиннющий дрын.

– Сархат сказал, что вы пошли гулять с собакой, и я вспомнила, что вы любите делать это у озера, – добавила она, предвосхищая его вопрос.

– Что-то случилось? – спросил он, двигаясь дальше по бревну, чтобы освободить Алле место. Она присела рядом и окинула взглядом панораму озера.

– Здесь очень красиво, – сказала она. – Такой мирный пейзаж...

– Алла Гурьевна, давайте сразу к сути, ладно? – Мономах не был настроен философствовать. – Вы бы не приехали просто так, поэтому я делаю вывод, что что-то произошло. Видимо, нечто плохое?

– Ну к сути, так к сути, – вздохнула Алла, переводя взгляд на собеседника. – Я кое-что узнала по вашему делу.

– По моему?

– Не придирайтесь к словам, Владимир Всеволодович! По делу убитой медсестры, если вам так больше нравится, только вот ей уже все равно, а вы можете попасть в жернова правосудия по одному кивку Никифорова!

– Что, все настолько серьезно?

– Вы даже не представляете!

– Но что у него есть? – недоуменно развел руками Мономах. – Одни только предположения! Ни орудия убийства, ни других доказательств!

– Помните три составляющих, позволяющих определить преступника?

- Мотив, возможность и средство?
- Верно. Так вот, средство действительно пока не нашли, зато есть возможность: вас застали на месте преступления!
- Что само по себе удивительно! – пробормотал Мономах.
- Не думаете ли вы, что мне не приходило это в голову? Действительно, странно, что патруль оказался на месте убийства буквально через несколько минут после того, как вы обнаружили жертву: мы сейчас как раз выясняем, как им это удалось!
- Ну, а насчет мотива? – спросил Мономах. – Какой мне резон убивать Ольгу? Неужели кто-то поверит, что я имел с ней романтическую связь? А даже если и так – зачем мне от нее избавляться, ведь я не женат, и, даже если бы все выплыло наружу, мне от этого ни жарко, ни холодно!
- Это в том случае, если связь была добровольной.
- Ч-что?
- Лицо Мономаха вытянулось, когда он начал осознавать, о чем говорит Алла.
- Никифоров разрабатывает версию о том, что вы преследовали Ольгу, пользуясь служебным положением.
- Каким положением? Она же работала в другом учреждении!
- Но раньше – в вашем отделении, верно? Кроме того, у Никифорова есть два свидетеля, утверждающие, что Ольга – не единственный объект ваших домогательств.
- Да какие еще свидетели?!
- Вам знакома некая Лариса Мутко?
- Кто-кто?
- То есть вы ее не знаете?
- Послушайте, Алла Гурьевна, вы хоть представляете, с каким количеством людей мне приходится ежедневно общаться? Если речь о пациентке, то неудивительно, что я ее не помню: я запоминаю диагнозы, а не имена!
- Мутко работает в отделении вашего коллеги Тактарова...
- Но тогда я могу знать ее только в лицо, а никак не по имени!
- Но она вас обвиняет в домогательствах.
- Абсурд! Пусть скажет мне это в лицо!
- Это можно устроить, причем без привлечения следственных органов: пусть ваш главный врач устроит вам очную ставку. В конце концов, такие проблемы обычно решаются в коллективе, если, конечно, не имело место физическое насилие...
- Насилие?! Алла Гурьевна, вы серьезно?
- Владимир Всеволодович, если бы я верила в эту информацию, то не пришла бы к вам, но я хочу, чтобы вы понимали всю серьезность положения.
- Вы сказали, есть два свидетеля. Кто второй?
- Анна Капустина. Ее вы тоже не знаете?
- Ну почему же, знаю: эта медсестра действительно работала у меня и была уволена.
- За что вы ее уволили?
- Это не имеет значения.
- Имеет. Так за что?
- За халатность.
- А поподробнее?
- Хорошо. Капустина едва не убила пациентку, по ошибке закачав ей в капельницу два несовместимых препарата, и только счастливая случайность спасла больную от смерти. Так достаточно подробно?
- Достаточно, только вот, по моим сведениям, Капустина написала заявление по собственному.

- Естественно, я не стал портить ей будущее и позволил уволиться.
- Есть кто-то, кто может подтвердить ваши слова?
- Разумеется – лечащий врач пациентки, которая чуть не отправилась на тот свет: если бы не его внимательность, так бы и произошло!
- Получается, у Капустиной на вас зуб?
- По-моему, она должна быть мне благодарна!
- Возможно, она так не считает? Вы правы в одном: свидетели нуждаются в тщательной проверке. Одно дело, когда они общаются со следователем, и совсем другое – когда им будет грозить очная ставка с вами. Смогут ли они лгать, глядя вам в глаза?
- А если смогут?
- Тогда будем думать, однако, если женщины врут, каков мотив? Допустим, Капустина мечтает отомстить, но как же Мутко, у нее-то какие причины?
- Только та, что она работает у Тактарова.
- Вы намекаете на вашу с ним давнюю вражду? – задумчиво потерла подбородок Алла. – Думаете, он может быть заинтересован в том, чтобы вам насолить?
- Я считаю, все серьезнее, – вздохнул Мономах.
- В смысле?
- Главврач сообщила мне, что с бывшего главного Муратова сняты обвинения во взяточничестве и хищении государственных и благотворительных средств, а Тактаров, как известно, являлся его правой рукой.
- Муратов что, возвращается?!
- Нет, слава богу, но...
- Понятно. Как это повлияет на вас?
- Пока никак. Во всяком случае, я на это надеюсь, а что будет потом – кто же может сказать? Но дело не в этом, Алла Гурьевна!
- Я очень хорошо вас понимаю, Владимир Всеволодович, – кивнула Алла. – Ужасно, когда преступник уходит от наказания. Еще ужаснее, когда тебе кажется, что ты сделал все для того, чтобы он отправился на нары, и прокурору остается лишь зачитать обвинение, но злодей, как мокрая рыба, выскальзывает из рук правосудия!
- У вас такое случилось?
- И не раз. К счастью, чаще мы добиваемся успеха, но бывает и так. Я вам сочувствую: тяжело столкнуться с несправедливостью, но жизнь редко нас балует – обычно подсовывает сомнительные сюрпризы! Однако не стоит отчаиваться: в конце концов, кто такой этот Муратов – вор и негодяй, верно? Рано или поздно жизнь его накажет!
- А если нет? – спросил Мономах, глядя Алле в глаза. – Что, если он станет осторожнее, наученный горьким опытом?
- Знаете, я раньше часто задумывалась об этой проблеме, мучилась сомнениями, задавалась вопросами... А потом перестала.
- Почему?
- Потому что поняла, что такие люди сами отлично понимают, что поступают неправильно. Они все время боятся, что кто-то узнает об их преступлениях, поэтому никогда и ни с кем не могут быть до конца откровенными, не имеют права расслабиться и всегда ожидают, что их поймут. Это ли не наказание?
- Ну, в случае Муратова, может, оно и так, – нехотя согласился Мономах, снова переводя взгляд на озеро, у кромки которого резвился Жук: сам себя развлекая, он ронял палку в воду и, поднимая тучи брызг, прыгал за ней. – По крайней мере, он никого не убивал. А вот как быть с теми, кто отнимал жизни?
- Вы сейчас о ком-то конкретном говорите? – спросила Алла. – Например, об убитой медсестре?

– И о ней в том числе. Вы думаете, что таких тоже можно оставить «мучиться» на свободе?

– Нет, такие должны сидеть в тюрьме, и каждый человек, работающий в системе правосудия, обязан делать все, чтобы этого добиться. Беда в том, что никто не всемогущ, Владимир Всеволодович! Вот вы можете спасти любого пациента?

– К моей большой удаче, Алла Гурьевна, в моем деле речь редко идет о спасении жизни, ведь чаще приходится оперировать плановых больных!

– Хорошо, давайте я перефразирую: вы всегда можете поставить человека на ноги после травмы или тяжелой болезни?

– Нет, конечно, ведь я не бог... Хотя Гурнов считает, что все хирурги болеют звездной болезнью, но опыт расставляет все по своим местам: мы учимся принимать неизбежное.

– Вот и мы тоже, – со вздохом сказала Алла. – Не всегда все зависит от нас, хоть мы и стараемся себя в этом убедить! К примеру, сейчас я занимаюсь делом одного онколога...

– Он кого-то убил?

– Она, – поправила Алла. – Это женщина. И – нет, она никого не убивала. Это ее преследует неизвестный, и она напугана, растеряна... Но я упомянула ее не поэтому, а потому, что ее профессия связана с большим количеством разочарований. Я права?

– Я никогда не понимал, почему люди идут в эту область медицины, – качая головой, ответил Мономах. – Слишком высокий уровень смертности, а человеческий геном изучен так мало, что ожидать больших прорывов в ближайшем будущем не приходится!

– И все же они работают, не позволяя неудачам вогнать себя в тоску. Не бросают все к чертовой матери, а продолжают кропотливо делать свое дело в надежде на то, что для кого-то их усилия окажутся не напрасными!

– Поэтому еще более странно, что кто-то желает ей зла, – заметил Мономах. – Может, она кого-то не спасла? Родственники пациентов обычно склонны винить врачей... Это, в сущности, понятно, ведь кого-то обвинить надо, а до бога далеко, да и верят в него не все!

– Я как раз хотела с вами кое о чем посоветоваться. Скажите, насколько разборчивым может быть врач при выборе пациентов?

– Что, у кого-то есть выбор? – усмехнулся Мономах. – Видимо, ваша онколог работает в частной медицине!

– В точку, Владимир Всеволодович!

– Ну, тогда... Понимаете, я не специалист в онкологии, но есть области, в которых подбор «правильных» пациентов действительно имеет значение. К примеру, когда речь идет о различных экспериментальных методах лечения.

– Что значит «правильные» пациенты?

– Ну, такие, которые подходят для участия в испытаниях каких-то препаратов...

– Это законно?

– Вполне, если больные в курсе, что участвуют в эксперименте.

– И что, многие соглашаются?

– Представьте себе, что вы умираете – ну, чисто гипотетически. Государственная медицина от вас отказалась, так как испробовала все, что имелось в арсенале, и больше не осталось вариантов лечения, применяемых в случаях, подобных вашему. Вы отправляетесь домой, гадая, доживете ли до следующего дня рождения, и вдруг узнаете, что кто-то где-то набирает пациентов для участия в исследованиях новых методов лечения. Вы откажетесь от возможного шанса или стремглав броситесь к врачу, который этим занимается? Повторяю, вы – умираете!

– Наверное, брошусь, – медленно произнесла Алла. – Особенно если буду знать, что есть положительные результаты.

– В России это не очень развито, но в Европе и США – сплошь и рядом. Вы даже не представляете, Алла Гурьевна, сколько в мире разнообразных болезней, а ведь есть еще всяческие синдромы! К примеру, есть такой синдром Хатчинсона-Гилфорда, или проще – прогерия...

– Это, если не ошибаюсь, преждевременное старение? – перебила Алла.

– Верно. Или, допустим, витилиго. Никогда не слышали?

Алла качнула головой.

– Это такое хроническое заболевание, вызывающее появление белых пятен на коже. Им страдает всего лишь полпроцента населения Земли... Кстати, одна известная модель страдает этим синдромом, и это не мешает ей в карьере. Не мешало и Майклу Джексону...

– Джексону?

– Он это не афишировал, само собой. Возможно, его неистребимое желание «стать белым» как-то связано с этим: будь он просто черным, вполне вероятно, его бы это не беспокоило. Или, ближе к моей специфике, фибродисплазия – заболевание, влияющее на соединительную ткань – она, грубо говоря, постепенно превращается в кость. Его врожденным классическим симптомом является порок развития большого пальца, и какого-то одного способа лечения этого синдрома нет, поскольку операция по удалению кости заставляет организм еще интенсивнее превращать ткань в кость. А есть еще порфирия, синдром Туретта, аналгезия и так далее. Официальных методов лечения не существует в принципе – только экспериментальные! Онкология – малоизученная область медицины, и каждая опухоль индивидуальна, потому-то и невозможно придумать таблетку или инъекцию, которая лечила бы от всех видов рака. К счастью, наука не стоит на месте, и многие подходы, поначалу считавшиеся экспериментальными и не признаваемые официальной медициной, стали вполне себе обычными в наши дни!

– Спасибо за консультацию, доктор, – улыбнулась Алла. – Теперь мне все понятно!

– Что будете делать?

– Как обычно – искать тех, кому выгодно. Должен быть кто-то, ненавидящий врача так сильно, чтобы желать испортить ей жизнь!

– По крайней мере, не настолько, чтобы убивать... – мрачно процедил Мономах.

– Тьфу-тьфу-тьфу, Владимир Всеволодович: надеюсь, до этого не дойдет! Вообще все эти выходки больше похожи на... – она осеклась, зацепившись за мысль, неожиданно пришедшую в голову. Через минуту, не обращая внимания на вопросительный взгляд собеседника, Алла добавила: – Обещайте мне одну вещь, Владимир Всеволодович, ладно?

– Я не могу обещать, пока не узнаю, о чем речь.

– Обещайте, что встретитесь с адвокатом.

– Считаете, это необходимо?

– Боюсь, что да.

– Ну, тогда...

– Вам не придется никого искать, – быстро добавила Алла. – Адвокат – моя подруга Марина Бондаренко. Она опытный специалист, прокурорские ее побаиваются, а следователями она закусывает между основными блюдами.

– И как такой человек сумел с вами подружиться?!

– В обычной жизни она – чудо-женщина, нежная и ласковая. Но вам ведь не нужна ее ласка, верно? Вам требуется ее бульдожья хватка и умение защитить клиента. Все это есть в Марине, иначе я не стала бы вам ее рекомендовать.

– Но согласится ли она мне помогать? Вы уже нашли кое-что, способное выставить меня в невыгодном свете!

– Она в курсе. А еще Марина знает, что я вам верю – ей этого достаточно.

– Тогда и мне достаточно того, что вы верите ей, – усмехнулся Мономах. – И спасибо, что не бросаете – поверьте, я это ценю!

– Ну, а зачем же еще нужны друзья? – улыбнулась она, чувствуя, как по телу разливается приятное тепло от сказанных им слов. – Ой, глядите, Жук кого-то поймал?!

Вскочив на ноги, Мономах кинулся к воде: пес и в самом деле тащил нечто, напоминающее птицу.

– Это же утка! – воскликнула Алла, подбегая к собаке сразу за Мономахом. – Бедная птица, он же ее слопает!

Неожиданно Мономах расхохотался и отступил. Алла подняла на него удивленный взгляд.

– Что тут смешного?! – воскликнула она, пораженная неожиданной жестокостью, которой раньше в нем не замечала.

– Это действительно утка, Алла Гурьевна, – все еще смеясь, ответил он. – Подсадная утка! Вернее, пластиковая, – видимо, кто-то решил украсить озеро или собаки с участка утащили!

Теперь и Алла увидела, что в пасти Жука зажата игрушка. Она так походила на живую птицу, что сразу было невозможно отличить подделку! Жук радостно вилял хвостом, переводя взгляд с Аллы на Мономаха, пытаясь понять, чем же так развеселил их, но определенно довольный тем, что ему это удалось.

* * *

Антон терпеть не мог медицинские учреждения: едва переступая их порог, он сразу начал чувствовать себя больным! Отчасти виной тому был печальный опыт нескольких ранений, но больше – самые ужасные воспоминания детства, когда он угодил на больничную койку с аппендицитом. Белые халаты – если, конечно, они не принадлежали поварам, – вызывали у него легкое головокружение и желание спрятаться, он никогда не приходил в восторг от медсестричек, частенько вызывающих сексуальные фантазии у его коллег. Поэтому Антон обрадовался, узнав, что профессор Изварский, с которым ему порекомендовали побеседовать, находится в отпуске и обретается на собственной даче на берегу Ладожского озера.

– Инга – весьма способная девочка, – говорил Изварский, разливая по огромным, похожим на супницы чашкам черный, как деготь, чай. Он принимал Шеина на веранде с видом на соседний двор, где в этот самый момент его хозяин жег оставшуюся с осени опавшую листву и сухие ветки. Запах дыма врвался в открытое окно веранды, но Антон и не думал возражать: после городских выхлопных газов дым казался даже приятным. – Какое-то время я думал, что она разочаровалась в профессии, но потом, похоже, все наладилось!

– Вы давно знакомы? – спросил Антон.

– Давно, – кивнул профессор. – Видите ли, Инга проходила у меня ординатуру. Очень целеустремленная, знающая... Немного чересчур амбициозная, правда, но это нормально для молодого врача!

– В чем это выразалось?

– В уверенности, что она может вылечить всех. Как я уже сказал, для молодого специалиста, еще не похоронившего первый десяток пациентов, это в порядке вещей.

– Не похоронившего... – начал было Шеин, но профессор тут же его перебил:

– А чего вы хотите? Да, время не стоит на месте, наука развивается, и теперь мы можем спасти тех, кого еще десять лет назад сочли бы безнадежными, но мы не боги! Зачастую люди приходят к нам в запущенном состоянии, да и на препараты все реагируют по-разному... Чего уж говорить, у нас, у онкологов, в медицинском сообществе самые обширные кладбища!

– Борис Лаврентьевич, а почему вы сказали, что Инга в какой-то момент разочаровалась в профессии? – задал отвлекающий вопрос Антон: кладбища, по понятным причинам, привлекали его еще меньше, чем больницы.

– Вот сразу видно, где вы работаете – каждое слово запоминаете! – усмехнулся профессор. – Да, было такое время, сразу после стажировки в Штатах.

– Инга ездила в Америку?

– Да, по программе обмена между медицинскими вузами. Было это лет... да, пожалуй, лет двадцать пять тому. Ей посчастливилось попасть в огромную частную клинику, очень дорогую и прекрасно оборудованную – нам тогда такой уровень и не снился! Вернулась Инга вдохновленная, и тогда у нее появилась идея: уехать жить и работать в США.

– Чего ж не уехала?

– Думаете, это так просто? Нет, найти возможность просто уехать можно, но вот работать по профессии – весьма проблематично! Вы представляете себе, сколько учатся на врача в Штатах?

– Очень долго?

– Пятнадцать-двадцать лет, если мы говорим о специалистах в конкретной медицинской области.

– Ого! – присвистнул Шеин. – А работать-то когда?

– В том-то и дело! Наш медицинский диплом в Америке не действителен, и это означало, что, даже если Инга сумеет уехать, то свою профессиональную деятельность ей придется начинать практически с нуля!

– К этому ваша ученица, как я понимаю, готова не была?

– Нет. Инга трезво смотрела на вещи: исследовав проблему, она пришла к выводу, что переезд невозможен. Но ей глубоко в душу запала та клиника с ее новейшими разработками, оборудованием и, чего уж скрывать, деньгами. Думаю, ни для кого не секрет, что врачи в Штатах – не только уважаемая, но и весьма высокооплачиваемая профессия! А в нашей стране, к сожалению...

– В частных клиниках врачи имеют возможность зарабатывать, – заметил Антон.

– Согласен, – кивнул профессор. – Но в тот момент, когда Инга посетила Америку, дела обстояли иначе. А еще она всегда отстаивала разнообразные нетрадиционные методы лечения онкологических заболеваний, так как обычно возможности врачей нашей специальности весьма ограничены...

– Простите, а что значит «нетрадиционные» методы лечения?

– Видите ли, молодой человек... вы уж извините, но, думаю, мой возраст позволяет вас так величать?

– Само собой, – согласился Антон, подумав, что в последнее время все меньше людей могут так к нему обратиться, ведь он не молодеет. Так что, пожалуй, это даже приятно.

– Так вот, – продолжал профессор, – медицина, опирающаяся на традиционную, признанную науку, предлагает три основных вида лечения онкологии: это оперативное вмешательство, лучевая терапия и химиотерапия. Многие пациенты, испробовавшие на себе все эти методы и не получившие желаемого результата, вынуждены обращаться к экспериментальной клинической медицине. Экспериментальными методами терапии мы считаем те, которые на сегодняшний день не до конца апробированы и не включены в протокол Всемирной организации здравоохранения. Они находятся на стадии клинических испытаний и требуют дальнейшего изучения.

– И что же это за методы?

– Ну, во-первых, генная терапия. Она разработана для людей, у которых можно предположить генетическую предрасположенность к развитию злокачественных опухолей, и основана на введении в опухоль генов, побуждающих раковые клетки погибать или, как минимум, препятствующих их размножению.

– И что, помогает?

– Одним помогает, другим – нет. Понимаете, все индивидуально, и не только в онкологии. Вот, к примеру, обычные лекарства – скажем, от гипертонии: кому-то помогают одни, кому-то другие. То же и с обезболивающими... Потому-то и существует столько разнообразных подходов.

– Есть и другие?

– Разумеется. Допустим, криоабляция, заключающаяся в замораживании пораженной ткани и введении ее в состояние некроза. Беда в том, что прилегающие здоровые клетки при этом тоже страдают, поэтому такой метод подходит далеко не всем. Существуют также лазеротерапия, ангиостатические препараты, направленные на препятствование образованию капилляров в опухоли. В некоторых случаях хорошо работают анаэробные бактерии, уничтожающие центр опухоли, до которого не добраться обычными способами. К последним и высокотехнологичным методам экспериментальной терапии относятся нанотерапия и таргетная терапия.

– А это что за звери?

– В организм вводится наногильза с микроскопическими частицами золота. Эта гильза способна обнаружить и уничтожить злокачественный очаг.

– Золото? Наверное, дороговато выходит!

– Противоопухолевое лечение редко бывает дешевым, особенно за границей, зато там предлагается широкий спектр различных экспериментальных программ, дающих отчаявшимся людям надежду. Впереди всех в этой области находятся Штаты, Израиль и Германия. Проблема в том, что в России практически отсутствуют подобные программы, и врачам нечего предложить пациентам, прошедшим все традиционные стадии. И каков результат? Больные обращаются к магам, волшебникам и прочим мошенникам, надеясь получить то, чего не может предоставить медицина. А потом... потом они умирают.

– А почему же у нас с этим так плохо? – спросил Антон. – В смысле, с экспериментальной медициной?

– Ну, во-первых, считается, что к ней можно прибегать лишь в том случае, когда традиционные клинические способы уже испробованы и не дали результатов. На нее решаются лишь люди с обильно метастазирующей опухолью и те, кому предписано не радикальное, а паллиативное лечение. Сами понимаете, что на этой стадии мало у кого есть шанс выздороветь, ведь обратить слишком далеко зашедший процесс вспять невозможно! Во-вторых, по мнению некоторых специалистов, эффективность экспериментального лечения злокачественных опухолей составляет примерно двадцать два процента, что считается незначительным.

– Незначительным?! – возмутился Антон, вопреки собственному желанию, захваченный рассказом специалиста. – Если из ста человек, которые все равно бы умерли, выживут двадцать два...

– Вы правы, молодой человек, – с улыбкой прервал его профессор. – Для пациентов и их родных это очень приличный результат, но вы же знаете, как медленно движется бюрократия! Российская медицина, вынужден признать, чрезвычайно неповоротлива, и для того, чтобы внедрить что-либо инновационное, приходится пройти такие круги ада, что это мало кому по плечу! Ну, а еще давайте посмотрим на эту проблему с точки зрения тех, от кого все зависит: экспериментальная медицина отнюдь не безопасна! Она требует персонифицированного подхода, то есть лечение должно подбираться в зависимости от молекулярно-генетических особенностей конкретного пациента. Но персонифицированная медицина только зарождается, а значит, нет никаких гарантий, что химиотерапия, к примеру, вместо лечения не убьет пациента, малоизученная таргетная терапия не вызовет появления новых опухолей и так далее! Даже в Европе и Америке существует всего несколько крупных центров, занимающихся последними разработками в экспериментальном лечении онкологии, причем каждый из них специализируется в чем-то одном. Скажем, Мемориальный онкологический центр Слоуна-Кеттеринга проводит процедуры химической и термической абляции, а

немецкий центр изучения рака при университете Гейдельберга применяет облучение тяжелыми ионами. Некоторые, как известный частный медицинский центр Топ Ихиллов в Израиле, предлагают узкий спектр различных подходов – иммунотерапию, генотерапию и тому подобное. В России, надо сказать, тоже есть кое-какие экспериментальные программы, однако их слишком мало, и значимых отечественных разработок практически нет. Вы можете себе представить, что в то время, как у нас ученые работают примерно со ста пятьюдесятью лекарственными молекулами, в мире их разрабатывается более двух с половиной тысяч?! Проблема в том, что их просто-напросто не протолкнуть через «Великую Китайскую стену» отечественной бюрократии...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.